

ШТОРМОВАЯ КНИГА

МАРА
СВЕТЛАНОВА

Мара Светланова

Штормовая книга

«Автор»

2026

Светланова М.

Штормовая книга / М. Светланова — «Автор», 2026

Лина Рей умеет записывать штормы до того, как над городом появятся облака. В Обсерватории Семи Куполов чувства людей превращают в созвездия вероятностей, а прогнозы любви, верности и разлуки продают тем, кто готов вмешаться в чужую судьбу. Когда Лина узнаёт, что астроном этики Орен Сав скрыл от неё строку о гибели их будущей любви, доверие рушится. Но над Астэром уже сходятся три фронта — космический, атмосферный и человеческий. Чтобы спасти город, Лине предстоит открыть тайный механизм прогнозов, вернуть людям право не быть вычисленными и навсегда отказаться от предчувствия собственной жизни. Атмосферный научно-фантастический роман о цене точности, границах заботы и любви, которая остаётся выбором, даже когда будущее больше ничего не обещает.

© Светланова М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Гроза в ясном куполе	6
Глава 2. Чувства как звёзды	10
Глава 3. Астроном, закрывший строку	15
Глава 4. Проданная разлука	23
Глава 5. Сестра смотрит вниз	30
Глава 6. Три версии одного дождя	36
Глава 7. Право не знать	43
Страница I. Неизбежная потеря	49
Глава 8. Аукцион совпадений	50
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Мара Светланова

Штормовая книга

От автора

Мы часто просим прогноз не только ради знания, но и ради освобождения от выбора. Если исход назван заранее, страх кажется меньше, а ответственность — легче. Но любое предсказание входит в жизнь того, кто его услышал, и само становится одним из обстоятельств будущего.

Эта история — о людях, которые научились измерять чувства с точностью звёздной карты и слишком поздно заметили: точность не даёт права распоряжаться чужой судьбой. Здесь любовь важна не как доказательство предназначения, а как пространство, где честность, границы и неизвестность приходится выбирать снова.

Иногда надежда начинается не с хорошего прогноза, а с возвращённого права удивить его.

Глава 1. Гроза в ясном куполе

Гроза вошла в книгу за семь дней до того, как над Астэром появилось первое облако.

Я услышала её в половине шестого утра — не громом, а коротким сухим треском пера. Серебряное острие зацепилось за бумагу и оставило на полях крохотную молнию. Чернила ещё не успели проступить, но кожа под манжетой уже похолодела.

В Зале Предварений было ясно. Сквозь раскрытые створки восточного купола светила бледная Венца, большая из двух утренних звёзд. Под ней город спускался к заливу семью каменными уступами: светлые крыши верхних кварталов, медные мосты, дым пекарен у пристани. Ни ветра, ни облаков. Флаги на башнях висели без движения.

Я положила левую ладонь на край Штормовой книги и стала ждать.

Страницы не любили нетерпения. Если переписчик торопил проявление, линии накладывались одна на другую: атмосферное давление могло показаться страхом, человеческая ссора — переменной ветра, а обычная утренняя тоска целого квартала — признаком дождя. Я тридцать лет училась различать погоду в собственном теле и двенадцать лет получала за это жалованье. Всё равно каждое новое предчувствие начиналось с сомнения.

Чернила поднялись из волокон бумаги тонкими синими жилами.

Сначала обозначилась дата: седьмой день Звёздного месяца. Затем — три расходящиеся спирали над южным склоном. Одна была серебряной, другая густо-синей, третья почти бесцветной, заметной лишь потому, что буквы под ней дрожали. Я наклонилась ниже.

Тройное возмущение.

Такого обозначения я прежде не видела.

Я взяла узкую рабочую карточку и записала время проявления, температуру зала, положение створок, собственный пульс. Потом обвела спирали прозрачной рамкой, не касаясь их пером. В обычном прогнозе книга отвечала на рамку величиной фронта и ожидаемыми потерями. Сейчас синяя линия рванулась к краю страницы, серебряная ушла под корешок, а бесцветная раздвинула строки, словно между словами протянули невидимую нить.

На следующем развороте возник город.

Не карта — перечень решений.

Закреть нижние мосты.

Направить жителей портовых улиц к Центральному куполу.

Остановить водные подъёмники.

Опубликовать единый маршрут до полудня третьего дня.

Я перечитала распоряжения дважды. Штормовая книга не отдавала приказы. Она показывала вероятности: где сорвёт крышу, какой причал затопит, сколько времени останется на эвакуацию. Решения принимали люди, по крайней мере так было написано на бронзовой табличке у входа в Обсерваторию.

На чистом поле проступила цифра: девяносто две сотых.

Вероятность исполнения.

В горле стало тесно.

Я потянулась к сигнальному шнуру, но из-под ног донёсся тихий звон. Нижние ярусы просыпались один за другим. В вычислительном зале запускали линзы отклика; по медным трубкам уже текли первые утренние наблюдения горожан. Сонливость, тревога, нежность, раздражение — тысячи едва заметных колебаний. Купола собирали их как звёздный свет и возвращали нам числами.

Обычно от этого звона я успокаивалась. Сегодня он напоминал звук замка.

Я дёрнула шнур.

В коридоре загорелась синяя лампа старшего переписчика. Дежурная помощница должна была вызвать начальника смены и астронома этики. Пока они шли, я обязана была закрыть страницу защитным листом и ничего не читать дальше.

Я накрыла левую половину разворота.

Правая осталась открытой всего на ширину ладони.

Там появилась новая строка.

ЛИЧНЫЙ ОТКЛИК ПЕРЕПИСЧИЦЫ: СОВПАДЕНИЕ УСТАНОВЛЕНО.

Я отдёргнула руку. Чернила потянулись следом, будто между кожей и бумагой сохранялась тонкая нить.

Личные отклики в погодные протоколы не входили. Для них существовали отдельные книги, отдельные разрешения и отдельная цена. Я никогда такого разрешения не давала.

Строка разделилась надвое.

ОБЪЕКТ БЛИЗОСТИ: НЕ ОПРЕДЕЛЁН.

ИСХОД: ГИБЕЛЬ В ПЕРИОД ТРОЙНОГО ФРОНТА.

Буквы были ровными, официальными, без единой кляксы. Такой почерк не принадлежал никому из живых переписчиков: его выводила сама сеть Куполов, когда считала вывод достаточно устойчивым.

Я не сразу поняла, что перестала дышать.

Никого не было. Ни человека, чью смерть я могла бы представить, ни тайной любви, о которой книга узнала раньше меня. Были мать, сестра, несколько давних друзей, редкие встречи, заканчивавшиеся прежде, чем возникала привычка оставлять вторую чашку на столе. Но формулировка была специальной. «Объект близости» означал не родство и не дружбу. Это был термин из брачных и парных прогнозов, дорогих, модных и, по моему мнению, слишком похожих на торговлю хорошими предложениями.

Не определён — значит, ещё не выбран.

Гибель — значит, уже посчитан.

Я заставила себя снова вдохнуть и накрыла страницу целиком.

Двери зала открылись через минуту. Первой вошла Сая, на ходу застёгивая серый форменный жилет. Её волосы были собраны кое-как, на щеке остался отпечаток складки от подушки. Она несла футляр с чистыми перьями и выглядела сердитой на всё утро сразу.

— Синяя лампа? — спросила она. — У нас явление выше восьми десятых?

— Девяносто две.

Сон исчез с её лица.

— Где?

— Южный склон. Семь дней. Три составляющие.

— Три атмосферных?

— Не знаю.

Это признание далось тяжелее, чем должно было. Для Саи я всегда знала. Когда отец умер и мать перестала выходить из комнаты, я знала, сколько крупы осталось, где взять деньги, как заполнить её школьные бумаги. Когда Сая решила поступать в Обсерваторию, я знала, кому написать для допуска к экзамену. Даже теперь, когда она давно была самостоятельной, какая-то часть меня всё ещё считала незнание разновидностью предательства.

Сая поставила футляр на стол и посмотрела на защитный лист.

— Ты прочла до сигнала?

— Строка проявилась после него.

— Какая строка?

Я не ответила. В коридоре уже приближались шаги — неторопливые, слишком ровные для срочного вызова.

Начальник смены Маэл вошёл один.

Он всегда появлялся так, будто заранее знал, в каком месте остановится. Высокий, сухой, в тёмной мантии допуска, Маэл не смотрел ни на ясное небо, ни на меня. Сразу протянул руку к рабочей карточке.

— Первичное описание.

Я отдала карточку.

— Где астроном этики?

— У Совета Куполов. Я замещаю его до полудня.

— При личном совпадении замещение не допускается.

Маэл поднял глаза.

Я поняла ошибку в ту же секунду. Сая — тоже. Её пальцы замерли над футляром.

— Значит, вы всё-таки читали дальше границы, — произнёс Маэл.

— Я сказала, что совпадение личное. Не сказала, где оно записано.

Несколько мгновений мы слушали, как под полом звенят линзы. Начальник смены мог сделать вид, что оговорился. Мог сослаться на сигнал, на особенности протокола, на опыт. Вместо этого он аккуратно положил карточку рядом с книгой.

— При явлении выше девяти десятых сеть автоматически проверяет ближайшие сильные отклики персонала. Защитная мера.

— От чего она защищает?

— От искажения записи.

— Проверяет или показывает переписчику её будущее?

— Не драматизируйте термин.

Сая тихо выдохнула через нос. У неё это заменяло грубость.

Я отогнула край защитного листа, не открывая текста.

— Мои данные были включены в расчёт без согласия.

— Ваш профессиональный допуск предусматривает контроль устойчивости.

— Пульс, зрение, чувствительность к чернилам. Не связи с людьми.

— Сейчас важнее фронт.

Эту фразу я слышала сотни раз. Сейчас важнее паводок. Сейчас важнее эвакуация. Сейчас важнее сохранить доверие к Куполам. В ней всегда была доля правды, достаточная, чтобы отложить неудобный вопрос до тех пор, пока отвечать на него станет некому.

— Тогда вызовите Орена Сава, — сказала я. — И до его прихода не снимайте защиту.

Маэл нахмурился.

— Прогноз высокой срочности принадлежит Совету, а не переписчику.

— Носитель содержит мой личный отклик. По правилу раздельного доступа без астронома этики вы не имеете права его читать.

— Вы собираетесь спорить о процедуре, когда городу угрожает гроза?

— Я собираюсь выполнить процедуру именно поэтому.

Он посмотрел на Саю, словно ожидал от младшей переписчицы разумного предательства.

— Подтвердите состояние сестры.

— Старшая переписчица Рей ориентирована, последовательна и верно цитирует правило раздельного доступа, — отчеканила Сая. — Я могу принести журнал согласий.

Маэл взял карточку.

— Принесите. И запросите Сава повторно.

Когда дверь за ним закрылась, Сая приблизилась ко мне.

— Что там?

Я смотрела на белый защитный лист. Под ним продолжали расти строки. Это было видно по едва заметным толчкам бумаги, словно запертая гроза пробовала крышку на прочность.

— Книга связала фронт с человеком, которого я ещё не знаю.

— С человеком?

— С будущей близостью. Она предсказывает ему гибель.

Сая помолчала. Потом спросила не «кто?» и не «как?», а именно то, за что я любила её больше всего:

— Ты хочешь, чтобы я осталась?

— Да.

Она придвинула второй стул и села рядом, не касаясь ни меня, ни книги.

С востока в зал вливался чистый золотой свет. Астэр жил обычным утром. На набережной открывались рынки, водные трамваи тянули за собой блестящие борозды, люди под семью ясными куполами выбирали завтрак, одежду, слова для первого разговора. Они не знали, что через неделю им предложат один маршрут спасения.

Я тоже ещё ничего не знала о человеке, которого мне предстояло полюбить.

Но уже знала, когда должна буду его потерять.

От этого будущего исходил странный холод. Не скорбь — скорбеть было не о ком. Скорее давление чужой руки, заранее положенной мне между лопаток.

Я вынула из ящика красное перо ручной поправки.

— Что ты делаешь? — спросила Сая.

— Отмечаю нарушение до того, как прогноз станет приказом.

На защитном листе нельзя было писать содержание, зато можно было зафиксировать возражение переписчика. Я провела вертикальную черту и вывела рядом:

Личный расчёт получен без согласия. Причинность не установлена. До проверки считать исход одним из вариантов, а не неизбежностью.

Последнее слово ещё блестело, когда книга ударила мне в ладонь.

Не больно — предупреждающе. По корешку пробежала синяя искра. Где-то далеко, за пределами ясного купола, ответил гром.

Сая вскочила и распахнула западную створку.

Над заливом не было ни единого облака.

Зато на всех семи башнях одновременно повернулись флюгеры.

Они указывали на Обсерваторию.

Глава 2. Чувства как звёзды

Отклики горожан хранились под Обсерваторией в темноте.

Я спускалась к ним по винтовой лестнице, считая ступени, чтобы не считать вопросы. Почему сеть взяла мой личный отклик? Почему Маэл знал о совпадении до того, как увидел страницу? И почему астроном этики, которого мы вызывали дважды, появился лишь теперь — спустя три часа после первого грома?

Орен Сав шёл на два пролёта ниже. Он не предложил мне руку и не попросил идти медленнее. Это было разумно: незваная забота раздражала меня сильнее крутых ступеней.

— Вы могли подняться в Зал Предварений, — сказала я.

— Мог.

— Но не поднялись.

— Мне сообщили, что защитный лист наложен, журнал запрошен, а вы не согласны открывать личную часть при начальнике смены. Все три решения верны. Срочнее было остановить выдачу копий.

Я замерла на площадке.

— Каких копий?

Он поднял голову. Свет дежурной лампы разделил его лицо на две половины: резкую освещённую и спокойную тёмную. Серебряная застёжка на ворота обозначала допуск Совета, но мантии советника на нём не было — только простой чёрный сюртук, испачканный у манжеты сажей от проекционных линз.

— Автоматических выдержек для заказчиков, чьи расчёты пересеклись с фронтом.

— В книге только что возникло неизвестное явление, а торговый отдел уже ищет, кому его продать?

— Торговому отделу не нужно искать. Система рассылает уведомления сама.

— Кто её так настроил?

— Совет. Семь лет назад.

— И астрономы этики согласились?

— Один проголосовал против.

Он сказал это без гордости, чем почти лишил меня удовольствия уличить его в ней.

— Вы?

— Я тогда ещё считал, что несогласие в протоколе само по себе что-то меняет.

Мы продолжили спуск. По мере приближения к нижним ярусам воздух становился прохладнее, а тихий звон, слышимый наверху сквозь пол, распадался на отдельные ноты. Каждая линза отклика отзывалась на изменение человека коротким звуком. Беспокойство давало медный тон. Радость — стеклянный. Горечь звучала так низко, что её скорее ощущали рёбрами. Но это были лишь привычные названия. Ни один прибор не мог прочесть чувство как слово.

У последней двери Орен приложил к замку служебный перстень. Я положила рядом ладонь. Замок проверил два допуска и раскрылся.

За дверью не было ни звёзд, ни людей. Только тысячи тонких стеклянных нитей, протянутых от пола к потолку. В полной темноте на них вспыхивали точки: янтарные, голубые, белые. Одни горели долго, другие гасли прежде, чем глаз успевал их удержать. Вместе они напоминали ночное небо, опрокинутое в глубокий колодец.

В детстве мать привела нас с Саей сюда в День открытых створок. Мне было десять, сестре — три. Я тогда решила, что под землёй спрятана вторая вселенная и что переписчики узнают будущее, сравнивая верхние звёзды с нижними. Мать не стала смеяться. Она сказала: «Верхние светят сами. Нижним свет одалживают люди».

Только много лет спустя я поняла, что слово «одалживают» подразумевает возвращение.

Орен зажёл одну зелёную лампу у пульта.

— Покажите путь вашего отклика, — сказал он.

— Я думала, это ваша работа.

— Моя работа — обеспечить вам доступ и объяснить то, чего вы не знаете. Вы лучше меня отличаете собственное ощущение от навязанного описания.

На медной панели располагались семь рядов клавиш: здоровье, труд, дом, общественные связи, покупки, передвижение, личные отношения. Я нажала «труд». Под панелью открылось узкое окно, и в темноте натянулась серебряная линия. Она вела от одной из центральных нитей к дальней стене, где сеть Обсерватории принимала ежедневные показатели сотрудников.

— Это законно, — сказала я. — Пульс перед сменой, дрожание рук, восприимчивость к чернилам.

— Да.

Я нажала «личные отношения». Панель должна была остаться тёмной.

Вместо этого вспыхнули сразу три линии.

Одна пришла из Зала Предварений. Вторая — из служебной столовой. Третья тянулась от городской стены, проходила через распределительную призму и терялась среди сотен нитей.

— Столовая? — спросила я.

— Подносы отмечают, с кем человек садится, как долго остаётся и меняется ли его отклик во время разговора.

Я вспомнила тысячи завтраков: Сая напротив, Маэл через два места, случайные коллеги, люди, которых я избегала, люди, рядом с которыми задерживалась на лишнюю чашку.

— Для расчёта нагрузки смен, — произнесла я формулировку из служебного соглашения.

— Такова первичная цель.

— А вторичная?

— Совместимость групп. Вероятность увольнения. Устойчивость служебных союзов. Парные прогнозы, если заказчик имеет договор с Обсерваторией.

— Я не имею.

— Заказчиком можете быть не вы.

Горечь отзывалась в стеклянных нитях низким гулом. Несколько огней дрогнули. Мой отклик уже становился частью нового измерения — возмущение работницы при обнаружении слежения. Если я закричу, сеть узнает силу гнева. Если промолчу, посчитает покорность.

Я убрала пальцы с панели.

— Отключите запись в этой комнате.

— Общую не могу. Здесь контроль фронта.

— Тогда мой канал.

Орен не сказал, что потеря данных снизит точность. Не спросил, уверена ли я. Он повернул ключ под крышкой пульта и протянул его мне.

— Поворот влево отзывает текущий сеанс. Возврат возможен только по вашему новому согласию.

Я повернула ключ.

Три линии погасли. Вместе с ними исчезло странное давление, словно комната перестала ждать от меня правильной реакции.

— Теперь покажите третью, — сказала я. — Ту, что пришла из города.

Орен ввёл номер моего служебного жетона. На матовом экране проступила цепочка разрешений. Рабочая лечебница получила сведения о бессоннице после ночных смен. Транспортное управление отмечало мои маршруты для льготного проезда. Домовая служба знала, сколько воды я расходую и зажигаю ли свет по ночам. Каждое учреждение собирало мелкую, объяснимую часть жизни. Рядом с каждой записью стоял знак разрешённой передачи обезличенных сведений.

— Обезличенных, — сказала я.

— На входе. Но когда шесть рядов совпадают по времени и месту, сеть восстанавливает человека с высокой вероятностью.

— И называет это добровольным откликом.

— Она не называет. Так называем мы.

В его голосе впервые послышалась усталость. Не та, которой просят снисхождения, а старая, сработавшаяся с человеком до неразличимости.

Я приблизила экран. Внизу цепочки стояла отметка: ДОПУСК К ВТОРИЧНОМУ РАСЧЁТУ: ПРЕДОСТАВЛЕН.

Подпись была моей.

Вернее, рисунок напоминал мою подпись: решительная первая черта, короткая петля, слишком ровный последний штрих.

— Я этого не подписывала.

— Вспомните последнее продление допуска.

Я вспомнила длинный стол кадровой службы и восемнадцать листов. Проверка зрения. Ответственность за носители. Согласие на врачебную помощь при поражении чернилами. Разрешение использовать профессиональные показатели для повышения точности прогнозов. Я читала каждую страницу. Или думала, что читала.

— Приложение к соглашению, — сказал Орен. — Оно открывалось по ссылке внизу двенадцатого листа.

— Ссылка не подпись.

— Совет считает иначе.

— А астроном этики?

— Считает, что согласие, которое нужно откапывать, дано не свободно.

Я посмотрела на него.

— Вы удивительно хорошо умеете формулировать возражения после того, как система уже сработала.

— Поэтому я остановил копии.

— После того как она сработала.

Он выдержал мой взгляд.

— Да.

Это простое признание оказалось неудобнее оправдания. Мне не за что было зацепиться, кроме самого нарушения.

Из соседнего зала донёсся звон колокольчика. В темноте загорелась широкая россыпь янтарных точек. Она медленно сложилась в две пересекающиеся дуги.

— Что это? — спросила я.

— Утренний парный расчёт.

— Здесь?

— Здесь все расчёты начинаются одинаково.

Орен провёл ладонью над пультом, не касаясь клавиш. Над нитями возникли условные фигуры: два столбца наблюдений, между ними десятки тонких связей. Частота встреч. Совпадение маршрутов. Изменение пульса. Повторяющиеся покупки. Паузы в переписке. То, как один человек начинал позже возвращаться домой и как другой раньше открывал окно.

Чувств среди этих величин не было.

— Где нежность? — спросила я.

— Прибор её не знает.

— Страх?

— Не знает.

— Тогда что вы продаёте?

— Вероятность наблюдаемого поведения, названную понятным словом.
На экране появилась надпись: СОЮЗ УСТОЙЧИВ: 0,81.

Следом — цена доступа.

За эту сумму портовая швея работала четыре месяца.

— Кто заказчик?

— Гильдия Северных верфей.

— При чём здесь чужой союз?

— Один из наблюдаемых отвечает за закупки. Гильдия решает, продлевать ли его договор. Устойчивая домашняя связь считается признаком предсказуемости.

— А если ему показать прогноз?

— Он, вероятно, станет вести себя осторожнее.

— Вероятность вырастет.

— Обычно.

— А если показать его нанимателю?

— Наниматель изменит условия так, чтобы сохранить желаемого сотрудника или избавиться от рискованного.

— И вероятность снова вырастет.

Я смотрела, как янтарные точки стягиваются теснее. Вот что мы называли созвездием: не рисунок, найденный в небе, а линии, проведённые тем, кто платит за карту.

— Значит, прогноз не только предсказывает связь. Он входит в неё третьим человеком.

— Иногда целым Советом.

— И это считается точностью.

Орен выключил проекцию. Дуги исчезли, но на внутренней стороне век ещё плавал их след.

— Теперь вы понимаете, почему я не позволил разослать выдержки из вашего расчёта.

— Понимаю, почему их нельзя рассылать. Не понимаю, откуда вы знали, что именно нужно остановить.

Тишина изменилась. Не стала глубже или громче — просто перестала быть рабочей.

Орен медленно опустил руку.

— В первичной выдаче была пометка о личном пересечении.

— Пометка не содержит исхода.

— Нет.

— Вы видели исход?

Он посмотрел на погасшую серебряную линию моего канала.

— Я видел достаточно, чтобы закрыть автоматическую выдачу.

— Это не ответ.

— Пока другого не будет.

Во мне снова поднялся гнев, но теперь я знала, как он прозвучит для комнаты и каким числом вернётся на верхний этаж. Я не дала ему ни голоса, ни жеста.

— Тогда откройте журнал доступа.

— Для него нужны две подписи Совета.

— У вас есть служебный допуск.

— Допуск позволяет мне хранить тайну, а не раскрывать её.

— Удобная этика.

— Невыносимо удобная для тех, кто пишет правила.

Я взяла со стола ключ отозванного согласия и спрятала в карман.

— До получения журнала личная часть останется закрытой. Погодную часть перепишем отдельно. Ни одной выдержки заказчикам.

— Я уже поставил запрет на сутки.

— Поставьте на семь дней.

— Совет отменит.

— Тогда пусть отменит письменно.

На этот раз в его лице мелькнуло что-то похожее на одобрение. Мне оно не требовалось.

Мы вышли из зала откликов через боковую галерею. Здесь в стену были вделаны маленькие окна торгового отдела. За первым молодая женщина в жемчужной шляпе выбирала между прогнозом «на год» и прогнозом «до события». За вторым седой мужчина требовал повысить точность расчёта дочери, прежде чем разрешить ей помолвку. У третьего посыльный держал пачку корпоративных заявок.

Над окнами золотыми буквами было написано: ЯСНОСТЬ СОХРАНЯЕТ ВРЕМЯ.

Раньше эта фраза казалась мне банальной. Теперь — угрозой.

У стойки выдачи звякнул механизм, и служащая передала женщине запечатанный конверт. Та вскрыла его сразу. Прочла. Её плечи сначала опустились от облегчения, потом напряглись, будто отныне ей предстояло охранять предсказанное счастье от каждого неверного движения.

Одна из подземных звёзд вспыхнула ярче.

— Сеть уже получила её реакцию? — спросила я.

— Да.

— И включит в следующий расчёт?

— Да.

— Тогда напишите в моём возражении ещё одну строку.

— Какую?

Я посмотрела на людей у окон, на дорогие конверты, на посыльного с судьбами работников под мышкой.

— Наблюдение меняет наблюдаемое. Цена прогноза не доказывает право на чужое будущее.

Орен вынул блокнот, но записывать не стал.

— Это не поместится в служебное поле.

— Значит, придётся расширить поле.

Наверху вновь прогремело. На этот раз дрогнули стёкла торговых окон.

Люди подняли головы, хотя над Астэром по-прежнему сияло чистое небо.

А я впервые подумала, что Тройной фронт уже начался — не в облаках, а здесь, где человеческое чувство превращали в звезду, звезду в число, а число продавали тому, кто мог заставить его сбыться.

Глава 3. Астроном, закрывший строку

Журнал доступа принесли в полдень в запечатанном ящике, и первым в нём оказался не список имён, а отказ.

Красная карточка лежала поверх серых пластин, занимая всю ширину ящика. ВЫДАЧА ПРИОСТАНОВЛЕНА ДО РЕШЕНИЯ СОВЕТА, — сообщала она ровным почерком регистратора. Ниже стояли две подписи: Маэла и председательницы торговой палаты Невы Тарн. Под третьей строкой, предназначенной астроному этики, чернила были соскоблены.

Я провела ногтем по шероховатому следу.

— Чья подпись была здесь?

Регистратор, доставивший ящик, смотрел не на меня, а на Орена. Молодой человек успел вспотеть, хотя в Зале Предварений держали холод ради Штормовой книги.

— Мне велено передать носитель и дожидаться возврата, старшая переписчица.

— Я не спрашивала, что вам велено.

— Соскоб сделан до регистрации.

— Значит, вы приняли повреждённую карточку?

Он сглотнул. За его спиной Маэл сложил руки на груди. Сая стояла у западной створки и записывала каждую фразу в свой блокнот — не служебный, а личный, с прошитыми страницами. После утреннего открытия мы перестали надеяться, что сама Обсерватория сохранит неудобную последовательность событий.

Орен поднял карточку к свету.

— Оттиск остался, — сказал он. — Подпись моя.

— Вы отказываетесь от неё? — спросил Маэл.

— Нет. Кто-то отказался от неё за меня.

В зале стало так тихо, что я услышала трение пера Саи о бумагу.

Маэл шагнул к ящику.

— Эта карточка ничего не меняет. Для выдачи журнала всё равно нужны две действующие подписи Совета. У Сава после приостановки рассылки остался только совещательный голос.

— Приостановка касается торговой выдачи, — возразил Орен. — Мой допуск к расследованию не отозван.

— Пока Совет не решил иначе.

— Решил?

Маэл не ответил.

Я смотрела на серые пластины внутри ящика. Каждая была тоньше оконного стекла, и в каждой серебрился один час жизни системы: кто открыл расчёт, какую строку увидел, куда передал выдержку, чем изменил условия следующего вычисления. Журнал не толковал поступки. Он только помнил их. Именно поэтому вокруг него собралось столько людей, желавших объяснить мне, почему память следует оставить закрытой.

— В отказе сказано, что выдача приостановлена, — произнесла я. — Но ящик уже здесь. Регистратор переступил с ноги на ногу.

— Запрос был исполнен за минуту до поступления запрета.

— Тогда вы уже выдали журнал.

— Технически носитель не вскрыт.

— Технически он пересёк порог комнаты, где находятся лица, чьи данные обработаны без согласия, и астроном, ведущий проверку.

— Лина, — предупредил Маэл.

— Старшая переписчица Рей, если вы собираетесь мне препятствовать.

Орен опустил карточку. На его лице не было улыбки, но в уголках глаз появилось выражение человека, увидевшего точный ход в трудной задаче.

— Регистратор может вернуть закрытый ящик, — сказал он. — Либо составить акт, что выдача состоялась до запрета. В первом случае носитель снова пройдёт по общему коридору, хотя содержит сведения высшей личной чувствительности и связан с активным фронтом. Это нарушит правило непрерывного хранения. Во втором мы изучим только цепочку допуска, не открывая содержание прогноза.

Регистратор посмотрел на Маэла с надеждой.

— Не вмешивайте меня в свои игры, — сказал тот.

— Нас уже вмешали, — ответила Сая от окна. — Вопрос только в том, останется ли запись.

Молодой человек попросил чистую карточку акта.

Маэл вышел прежде, чем на ней высохла последняя подпись. Дверь он закрыл мягко. Это было хуже хлопка: так закрывают кабинет, в который собираются вернуться с более сильным приказом.

Мы поставили ящик на боковой стол, подальше от Штормовой книги. Орен проверил печати и велел регистратору назвать номера вслух. Сая сверила их с актом. Потом настала моя очередь приложить ключ отозванного согласия.

— Он откроет только вашу цепочку, — объяснил Орен. — Чужие расчёты останутся закрыты.

— А личная строка?

— Содержание — тоже.

— Вы уже его видели.

Он встретил мой взгляд.

— Часть.

Это было первое прямое признание, и всё же оно снова оставляло ему укрытие в одном коротком слове.

Я вставила ключ в замок. Металл был тёплым после кармана. Если я поверну его, то получу перечень людей, прикасавшихся к моему будущему. Не само будущее. Не ту строку, которую Орен счёл настолько опасной, что остановил выдачу и, возможно, поставил под угрозу должность. Мне следовало бы быть благодарной.

Благодарность не отменяла ярости.

— До открытия, — сказала я, не поворачивая ключ, — назовите границу. Что именно мы имеем право прочесть?

— Время, должность и действие каждого допущенного. Названия открытых полей. Адреса пересылки. Содержание личного прогноза будет заменено знаками закрытия.

— Кто определил эту границу?

— Вы — когда отозвали канал и запросили журнал, не запрашивая повторную выдачу прогноза.

Ответ оказался правильным. От этого я разозлилась ещё сильнее: Орен умел уважать моё решение в настоящем и одновременно оправдывать нарушение в прошлом.

Я повернула ключ.

Серые пластины поднялись внутри ящика, развернулись веером и отразили ясное небо над куполом. По первой побежали буквы.

05:17. Автоматический узел сопоставления. Открыты поля: профессиональный отклик, личное пересечение, период исхода.

Следующая запись возникла через восемь секунд.

05:17. Торговый распределитель. Сформирована выдержка для семи связанных договоров. Отправка назначена на 05:30.

Семь договоров. Я представила семь конвертов, семь столов, семь людей, получающих право изменить чью-то жизнь раньше, чем эта жизнь узнает о расчёте.

— Связанных с кем? — спросила Сая.

— Закрыто, — ответил Орен. — Это уже данные других лиц.

— Или организаций.

— В журнале они считаются лицами доступа.

— Удобно быть лицом, когда нужно сохранить тайну, и рынком, когда нужно избежать ответственности, — сказала я.

На третьей пластине появилась запись Маэла. В 05:19 он открыл заголовок личного совпадения и список связанных договоров. Содержание исхода оставалось закрытым. В 05:20 начальник смены подтвердил автоматическую выдачу.

— Значит, он солгал, — сказала Сая. — Он знал о совпадении до того, как вошёл сюда.

— Он сказал, что сеть проверяет отклики автоматически, — напомнил регистратор.

— После того как выдал себя моей формулировкой, — ответила я. — Это было объяснение, а не сообщение.

В 05:22 доступ получил Орен.

Я ожидала увидеть те же поля. Вместо этого пластина показала:

Открыты поля: личное пересечение, условие исхода, связанный объект.

Под последними двумя названиями темнели знаки закрытия.

05:23. Ручное действие: строка условия исключена из торговой выдержки.

05:24. Ручное действие: выдача связанного объекта закрыта до подтверждения согласия.

05:25. Ручное действие: автоматическая рассылка приостановлена. Основание — угроза самозакрепления.

Я перечитала три записи. Потом ещё раз, медленнее.

— Вы не просто остановили копии.

— Нет.

— Вы изменили мою выдачу.

— Закрыл два поля.

— Одно из них — условие гибели.

— Да.

— Второе указывает человека.

— Связанный объект ещё не определён однозначно.

— Но вы видели кандидата.

Орен помолчал.

— Я видел обозначение с низкой устойчивостью.

Сая перестала писать. Даже регистратор поднял глаза.

Что-то во мне успело сделать шаг к ответу раньше рассудка. Утренний холод вернулся под манжету, пополз вверх по руке. Я подумала о людях, с которыми завтракала, работала, спорила у книги. О тех, кого ещё не встретила. О том, что один из них уже мог быть превращён в строку и что мужчина напротив меня видел эту строку, а я — нет.

— Назовите обозначение, — сказала я.

— Нет.

— Оно относится к моим данным.

— И к данным другого человека.

— Который дал согласие?

— Нет.

Правильный ответ снова не принёс облегчения.

— Тогда вы не имели права читать его сами.

— Не имел.

— Но прочли.

— Поле открылось вместе с условием. Я закрыл его через двадцать две секунды.

— Достаточно, чтобы запомнить.

— Да.

Слова падали между нами без защиты, и каждое делало комнату теснее.

Я могла потребовать имя. Могла сослаться на угрозу жизни, на право предупреждения, на действующий фронт. Именно так начинались все расширения допуска: с причины, которая казалась важнее границы. Если обозначенный человек не соглашался участвовать в расчёте, я не получала права на него только потому, что система связала его со мной.

Но условие было другим. Условие определяло мой поступок. Возможно, моё отсутствие рядом, мой выбор маршрута, моё молчание или произнесённое слово. Орен решил, что знать это мне опаснее, чем не знать.

— Почему вы закрыли условие для меня? — спросила я.

— Я закрыл его в выдаче вообще.

— Не прячьтесь за устройством системы. Вы знали, что после защитного листа я не увижу строку без нового запроса. Вы решили за меня.

Орен провёл пальцем по краю пластины, не касаясь текста.

— Да.

Регистратор тихо сказал, что ему лучше подождать в коридоре. Я разрешила. Сая осталась. Она не спрашивала, нужна ли мне свидетельница; утро уже ответило за меня.

— Объясните, — сказала я Орену.

— Условие было обращено не к погоде, а к вашему знанию. Вероятность исхода росла после прочтения.

— Насколько?

— С шестидесяти одной сотой до восьмидесяти восьми.

Число вошло под рёбра, как слишком холодный воздух.

— А после массовой рассылки?

— Девяносто четыре.

— Значит, вы спасали не меня от правды. Вы останавливали воздействие прогноза.

— Сначала — да.

— А потом?

Он не отвёл взгляд.

— Потом я решил, что вы прочтёте условие и начнёте строить вокруг него каждое решение. С вашей профессиональной дисциплиной вы способны превратить предостережение в закон быстрее торгового отдела.

Я почувствовала, как пальцы сами сжимаются на ключе.

— Вы изучили мой рабочий отклик и поставили диагноз характеру?

— Я двенадцать лет читал ваши поправки в Книге.

— Это даёт вам право оценивать мою работу. Не мою свободу.

— Не даёт.

— Тогда почему?

— Потому что у меня было меньше минуты. Я выбрал обратимое действие.

— Память необратима. Вы знаете, я — нет. Теперь любое ваше слово рядом со мной может быть подсказкой, любая осторожность — способом направить. Вы сделали себя хранителем моего решения.

Орен закрыл глаза на один вдох. Когда открыл, усталость на его лице исчезла. Осталась ответственность — некрасивая, без просьбы понять.

— Это справедливое обвинение.

— Мне не нужно, чтобы вы признали красоту моей формулировки.

— Я не хвалю формулировку. Я признаю нарушение.

— Тогда устраните его.

— Как?

Вопрос остановил меня.

Рассказать условие — значило, возможно, поднять вероятность гибели. Стереть его память мы не умели; Обсерватория стирала только записи и слишком часто называла это исправлением. Отстранить Орена от расследования означало потерять единственного астронома, уже выступившего против рассылки. Оставить всё как есть — согласиться с тем, что удачное последствие оправдывает чужой выбор.

Сая подошла к столу.

— Сделайте знание бесполезным, — сказала она.

Мы оба посмотрели на неё.

— Не условие, — продолжила сестра. — Решения Орена. Пусть он не имеет права давать Лине личные рекомендации, менять её смены, назначать ей маршрут или выбирать, с кем она работает. Всё, что касается расследования, — письменно и одновременно вам обоим. Если возникнет непосредственная опасность, сообщение проходит через третьего этика, который не видел строку.

— Другого этика назначает Совет, — сказал Орен.

— Тогда не Совет. Городская служба спасения.

— У неё нет допуска к личным прогнозам.

— И не надо. Ей сообщат наблюдаемую опасность, а не судьбу любви.

Я посмотрела на Саю. Её решение не возвращало мне украденной минуты, но лишало тайну возможности незаметно управлять мной.

— Запиши, — сказала я.

Сая перевернула страницу.

Мы составили временные границы прямо у открытого журнала. Орен не даёт мне советов, основанных на закрытых полях. Не участвует в назначении моих смен и маршрутов. Не открывает новых личных данных. Все рабочие распоряжения по Тройному фронту получают одновременно обе сестры. Любое исключение фиксируется до действия, если только промедление не создаёт непосредственной физической угрозы. Через семь дней границы пересматриваются независимо от того, закончится фронт или нет.

— И ещё, — сказала я. — Вы передаёте свой первичный протокол. Полностью, кроме чужого обозначения.

— Условие тоже закрыто?

Я заставила себя не отвечать сразу.

Право знать не означало обязанность немедленно прочесть. Право не знать не могло быть подарком Орена — только моим решением, принятым после того, как мне объяснили цену.

— Условие запечатать отдельно, — сказала я. — На упаковке указать, как меняются вероятности до и после чтения. Решение об открытии принимаю я. Не вы и не Совет.

— Согласен.

— Вы не участник согласия.

Он едва заметно отступил, словно я действительно провела линию на полу.

— Понял.

Сая дописала последнюю фразу и протянула блокнот сначала мне, потом ему. Орен расписался без оговорок.

На пластинах журнала тем временем продолжали возникать записи. В 05:27 торговый распределитель попытался возобновить рассылку. В 05:28 Орен заблокировал её вторично. В 05:31 Маэл запросил обходной допуск на основании угрозы городу. В 05:32 система отклонила запрос: не хватало подтверждения переписчика.

В 05:34 кто-то открыл погодную часть через договор городского благоустройства.

— Вот, — сказала я. — Кто?

Имя оказалось закрыто не знаком личных данных, а золотым прямоугольником торговой тайны.

— Заказчик высшей категории, — объяснил Орен.

— Я умею читать обозначения.

В 05:36 тот же заказчик получил единый маршрут к Центральному куполу. В 05:41 запросил расчёт влияния раннего закрытия южных мостов. В 05:49 подтвердил дополнительную оплату за уточнение.

По спине прошёл холод, уже не имевший отношения к моей личной строке.

— До официального прогноза семь дней, — сказала Сая. — А кто-то уже проверяет, что случится, если перекрыть мосты.

— Может быть, служба спасения, — произнёс Орен, но без уверенности.

— Служба спасения не закрывает название торговой тайной, — ответила я.

Я пролистнула пластины до текущего часа. Заказчик возвращался к расчёту одиннадцать раз. Каждый раз вероятность единого маршрута немного росла: девяносто две сотых, девяносто две и одна, девяносто две и три. Небольшие изменения, легко списать на уточнение ветра. Но ветер над Астэром не двигался. Менялись только человеческие решения.

— Они уже строят фронт, — сказала я.

— Или готовятся к нему, — возразил Орен.

— В этом и проблема. Если подготовка входит в следующий расчёт, система принимает послушание за подтверждение.

Сая подошла к створке. Внизу город сиял под неподвижным воздухом. Южные мосты были открыты, водные подъёмники поднимали кабины с нижних улиц, у пристани разгружали утренние баржи. Обычная жизнь, ещё не знающая, что кто-то примеряет к ней один-единственный путь.

Штормовая книга шелестнула за нашими спинами.

Защитный лист оставался на месте. Однако на его белой поверхности проступила тонкая синяя черта. Она началась у нарисованного Центрального купола, прошла по середине страницы и раздвинула мою красную поправку. Там, где утром оставались слова «один из вариантов», теперь возникло число: девяносто две и четыре.

— Даже закрытая выдача влияет, — сказала Сая.

— Потому что открыт погодный маршрут, — ответил Орен.

Я взяла красное перо.

— Что вы собираетесь писать? — спросил он.

— То, что журнал уже доказал.

Под первой поправкой я вывела:

Каждый доступ является вмешательством. Уточнение, заказанное заинтересованной стороной, не может считаться независимым подтверждением.

Книга сопротивлялась. Перо царапало сухую поверхность, хотя чернил было достаточно. Мне пришлось повторить последнюю букву дважды.

Когда строка закончилась, вероятность впервые уменьшилась.

Девяносто две и две.

Всего две десятых. Но мы втроём увидели.

— Наблюдение за наблюдателем, — тихо сказал Орен.

— Нет, — ответила я. — Ответственность наблюдателя.

В дверь постучали. Регистратор просунул внутрь белый конверт с печатью Совета и тут же убрал руку, будто боялся, что вместе с бумагой его втянут в расследование.

Приказ был коротким. В шесть вечера мы должны явиться на внеочередное заседание. До него журнал следовало вернуть, любые поправки к прогнозу прекратить, сведения о Тройном фронте считать закрытыми. Особенно запрещалось обсуждать расчёт с сотрудниками без высшего допуска.

— Значит, с Саей, — сказала я.

— Я уже всё видела, — заметила сестра.

— Именно поэтому.

Внизу приказа стояла подпись Невы Тарн — та самая, что появилась на отказе раньше, чем журнал принесли в зал.

Орен прочёл и вернул мне лист.

— Они потребуют уничтожить нашу временную запись.

— Нашу? — спросила я.

Он посмотрел на подпись в блокноте Саи.

— Вашу. Я только принял границы.

Исправление было маленьким, но я заметила его. Возможно, именно так и выглядело начало доверия к человеку, однажды уже решившему за тебя: не прощение и не благодарность, а проверяемая способность отступить от чужого выбора.

Я закрыла веер пластин. Перед тем как они легли в ящик, последняя успела показать новую запись.

12:43. Старшая переписчица Лина Рей. Добавлено возражение к причинности. Вероятность единого маршрута снижена на 0,002.

Система назвала моё несогласие помехой и всё-таки была вынуждена его посчитать.

Мы запечатали журнал тремя печатями. Регистратор унёс его по непрерывному коридору. Сая спрятала блокнот под жилет. Орен остался у стола, ожидая, пока я решу, завершён ли разговор.

— Один вопрос, — сказала я. — Ответьте только да или нет. Обозначение, которое вы видели, влияет на вашу беспристрастность в этом расследовании?

Он не спросил, что я имею в виду. Слишком долго молчал для простого ответа и всё же не воспользовался ни одной удобной формулировкой.

— Да.

Я почувствовала не догадку — её тень. Недостаточную, чтобы назвать человека, слишком отчётливую, чтобы забыть.

— Тогда до независимой проверки вы не можете быть единственным астрономом этики.

— Согласен.

— И если Совет не назначит второго?

— Мы найдём того, кому город доверяет больше, чем Совету.

— «Мы» пока означает рабочую группу.

— Да.

Он ушёл, не предложив проводить меня на заседание и не предупредив, чего мне следует бояться. У двери задержался лишь для того, чтобы отдать Сае копию приказа одновременно с моей.

Над городом по-прежнему не было облаков. Но на юге семь флагов наконец пришли в движение. Они вытянулись в одну сторону, к Центральному куполу, будто ветер уже прочёл маршрут и решил ему подчиниться.

Я прижала ладонь к закрытой Штормовой книге.

Под защитным листом ждало условие гибели. Орен знал его. Я могла открыть его к вечеру, завтра или никогда. Впервые после утреннего пророчества это незнание принадлежало мне — не как пустота, оставленная чужим запретом, а как право, для которого я сама установила срок и границу.

И всё же его короткое «да» осталось между нами незакрытой строкой.

Глава 4. Проданная разлука

На следующее утро женщина из прогноза пришла в Обсерваторию с дорожным чемоданом и потребовала вернуть ей вчерашний день.

Разумеется, вернуть его мы не могли.

Она стояла под регистрационными часами в мокром плаще, хотя над Астэром всё ещё не было ни облака. Вода стекала с её рукавов на мозаичный пол и собиралась у ботинок прозрачным кругом. Я сначала решила, что женщина попала под струю мойщиков улиц. Потом почувствовала запах соли и железа: вода была из нижнего порта.

— Вы переписчица Рей? — спросила она.

— Старшая переписчица. Лина Рей.

— Тогда перепишите.

Она положила на стойку тонкую золотистую пластину. Такие выдавали не людям, а заказчикам: металл хранил право на повторный расчёт и показывал цену каждого уточнения. В левом углу светился знак Гильдии Северных верфей.

На пластине значились два имени: НЕРА ВАЛЬД и ТИМ ОРС. Ниже — исход, который я видела в подземном зале откликов: прекращение совместной жизни до конца недели, вероятность семьдесят девять сотых.

Теперь рядом стояло восемьдесят семь.

— Откуда она у вас? — спросила я.

— Нашла в конторе мастера. Под своим заявлением об увольнении.

— Вы увольняетесь?

— Уже. Только заявление написала не я.

Регистратор поднял голову. В зале ожидания стало тише, хотя никто не перестал говорить. Здесь умели слушать чужую беду, делая вид, будто сверяются с номером окна.

Я провела Неру в малую комнату для спорных прогнозов. Сая пришла через несколько минут, принесла чистые листы и поставила на стол три чашки. Третья осталась пустой: Орен по нашим условиям не мог участвовать в разговоре, который касался личного решения, пока независимый этик не определит границы. Вместо него городская служба спасения прислала наблюдательницу — сухопарую женщину по имени Даль Мер, привыкшую разбирать причины обвалов, а не отношений.

— Я не читаю личную часть, — предупредила Даль, усаживаясь у двери. — Только последовательность действий учреждений и возможный ущерб.

— Мой дом считается ущербом? — спросила Нера.

— Если его разрушило учреждение — да.

Нера впервые посмотрела на неё не как на ещё одну служащую Куполов.

Она работала клепальщицей на Северной верфи девять лет. Тим был настройщиком портовых подъёмников. Они жили вместе шесть лет, собирали деньги на комнату выше линии зимних приливов и не назначали свадьбу, потому что обоим нравилось слово «потом». Три недели назад верфь предложила Нере должность бригадира в западном доке. Жалованье позволяло взять ссуду. Смена совпадала с Тимовой, дорога занимала двадцать минут. Нера согласилась.

Должность она так и не получила.

— Вчера утром мастер сказал, что западный док закрывают на переустройство, — рассказывала она. — Меня переводят на ночную сборку в северный карман. На два месяца, потом посмотрят. Я пришла домой днём, а там люди из домовой службы меряют стены. Сказали, жильё признано служебным для работников порта и Тим больше не подходит по новому разряду. Или я подписываю договор одна, или мы съезжаем через десять дней.

— Домовая служба принадлежит городу, — сказала Даль.

— Бумага была с печатью верфи.

Сая записывала даты.

— Когда вы сообщили Тиму о переводе?

— Вчера вечером. Он решил, что я знала раньше и согласилась ради должности. Я решила, что он просил перевод подъёмников, потому что ему уже предложили место на южном берегу. Мы наговорили друг другу... — Нера потёрла ладонями лицо. — Это неважно.

— Важно всё, что изменило решение, — сказала я. — Но вы вправе не повторять слова. Она опустила руки.

— Он ушёл к брату. Утром мастер дал мне заявление. Сказал, что после семейного разлада я ненадёжна для ночной бригады. Велел подписать, иначе поставит отметку о нарушении безопасности. Я не подписала. Потом увидела под листом эту пластину.

— Почему вы принесли её сюда, а не в трудовую палату?

Нера толкнула золото ко мне.

— Потому что на обратной стороне написано, что вы всё знали позавчера.

Я перевернула пластину.

Торговая выписка начиналась с даты и времени. Заказ был оплачен Гильдией Северных верфей за двое суток до отмены должности. В исходном расчёте вероятность расставания составляла сорок три сотых. Затем шёл список служебных уточнений.

При изменении смены одного участника: 0,56.

При утрате совместного жилья: 0,68.

При предложении отдельного трудового маршрута второму участнику: 0,74.

При одновременном применении условий: 0,79.

Последнюю строку добавили после фактической ссоры:

Подтверждено наблюдением домовой службы: 0,87.

Я читала медленно, хотя смысл стал ясен с первой строки. Верфь не узнала будущее Неры. Она получила перечень рычагов и нажала на каждый.

— Здесь нет моего согласия, — сказала Нера.

— Нет.

— Тимового тоже?

— Нет.

— Значит, это незаконно?

Даль Мер подалась вперёд, но я подняла ладонь.

— Я могу подтвердить нарушение правил Обсерватории, — сказала я. — Юридическое решение принимает палата. Мне жаль, но я не стану обещать исход, которого не знаю.

— Вы всё время продаёте исходы, которых не знаете.

Слова ударили точно. Я не стала защищаться.

— Да.

Нера ожидала возражения и на мгновение растерялась.

— Тогда перепишите, — повторила она тише. — Напишите, что мы не расстанемся.

— Если я это сделаю, новая строка тоже начнёт давить на вас. Вы станете мириться не потому, что хотите быть вместе, а потому, что Обсерватория назначила вам верность.

— А сейчас мы расходимся потому, что верфь назначила разлуку. Где здесь мой выбор?

Я посмотрела на золотую пластину. Между сорока тремя и восьмьюдесятью семью сотыми лежал не шторм и не загадочная воля неба. Там были новая смена, отнятая комната, предложение Тиму и угроза в личном деле. Четыре человеческих решения, выданные за доказательство точности машины.

— Ваш выбор начинается с того, чтобы увидеть все вмешательства, — сказала я. — А не с противоположного приказа.

Мы составили хронологию. В шесть утра верфь запросила первичный расчёт. В шесть двадцать оплатила вариант с изменением смены. В семь десять передала домовой службе новый статус жилья. В восемь направила портовому управлению предложение для Тима. В девять тридцать отменила повышение Неры, хотя переустройство западного дока в городском реестре не значилось.

Сая приложила к каждой строке подтверждающий номер.

— Они проверяли не то, расстанетесь ли вы, — сказала она. — Они искали самую дешёвую последовательность, при которой вы расстанетесь.

— Зачем? — спросила Нера. — Я хороший работник.

Ответ нашёлся в последнем приложении. После расставания Нера с высокой вероятностью соглашалась на ночную смену и отдельное служебное жильё у северного кармана. Тим принимал место на южном берегу. Верфь получала двух работников, привязанных к противоположным концам города и готовых брать дополнительные часы.

В графе выгоды стояла сумма.

Она была меньше стоимости комнаты, на которую Нера копила шесть лет.

Нера долго смотрела на число.

— Вот сколько стоит наше «потом», — сказала она.

— Нет, — ответила Сая. — Столько они готовы были заплатить, чтобы его у вас отнять. Я заметила, как Нера сжимает край стола, и придвинула к ней воду. Она не выпила.

— Мне нужно позвать Тима?

— Только если вы хотите, — сказала я. — И если он согласится прийти, не сообщайте ему прогноз до того, как мы объясним воздействие чтения.

— Вы боитесь, что он уйдёт сильнее?

— Я боюсь, что любое его движение мы снова назовём подтверждением.

Нера ушла звонить из закрытой кабины. Даль Мер запросила трудовые приказы у городского регистра и через четверть часа получила ответ: западный док работал в обычном режиме; изменение смены Неры оформлено как «мероприятие прогнозной устойчивости». Такая формулировка существовала в приложении к договору между верфью и Обсерваторией.

— Прогнозная устойчивость чего? — спросила Даль.

— Результата, — ответила я.

— Это не термин спасателей.

— У нас тоже не был. До торгового отдела.

Я запросила карточку договора. Доступ открылся сразу — золотая пластина Неры действовала как ключ заказчика. На первой странице значилось: снижение текучести рабочей силы посредством раннего выявления личных разрывов. На второй — допустимые меры воздействия. Изменение смен, жилья и транспортных льгот считалось не вмешательством, а «проверкой устойчивости связи».

Подписал договор Маэл.

Внизу стоял код старшего заказчика — тот же золотой прямоугольник, который скрывал покупателя единого маршрута к Центральному куполу.

Сая увидела его одновременно со мной.

— Один заказчик?

— Или одна категория прикрытия.

Даль потребовала расшифровку кода на основании угрозы безопасности. Система отказала: коммерческая тайна не создавала непосредственной физической опасности.

— А если создать? — спросила Даль.

— Тогда доступ станет законным, — сказала я. — После вреда.

За стеной хлопнула дверь кабины. Нера вернулась одна.

— Он не придёт. Сказал, что его новое место начинается сегодня и пропуск выдадут только до полудня.

— Предложение было срочным? — спросила Сая.

— Теперь — да.

Я попросила показать сообщение, не открывая личной переписки. В служебной части стояло условие: место на южном берегу предоставляется только работникам, не связанным общим хозяйством с персоналом Северной верфи. Чтобы получить пропуск, Тим должен был до двенадцати подтвердить раздельное проживание.

Часы в коридоре пробили одиннадцать.

У прогноза оставался час, чтобы исполниться на бумаге.

— Соедините меня с портовым управлением, — сказала Даль.

— Вы отмените место? — Нера резко встала. — Не смейте. Он ждал повышения четыре года.

— Я останавливаю срок подтверждения.

— Тогда они скажут, что он получил место из-за меня.

Даль замерла с рукой над переговорной пластиной.

Любое исправление уже проходило через отношения этих двоих. Вернуть Нере смену — сделать её препятствием для Тимовой должности. Оставить всё как есть — позволить верфи завершить расчёт. Предложить им немедленно помириться — превратить нас в ещё одного работодателя, назначающего близость.

— Нам не нужно решать за них, вместе они или нет, — сказала Сая. — Нужно разъединить трудовые решения и личный статус.

— Палата не изменит договор за час, — возразила Даль.

— А служба спасения может объявить ограничения недействительными, если они создают риск перед фронтом?

Даль посмотрела на карту города. Северный карман находился за двумя разводными мостами. Южный берег — за третьим. Если единый маршрут эвакуации вступит в силу, оба участка окажутся отрезаны от Центрального купола в первые сорок минут.

— Может приостановить назначения, которые увеличивают число зависимых от одного маршрута, — сказала она. — Не ради этой пары. Ради распределения людей перед штормом.

Мне не понравилось, как удобно правильное основание позволяло сделать желаемое. Но в отличие от прогноза оно не требовало от Неры и Тима ни расставаться, ни оставаться вместе.

— Остановите только условие о раздельном проживании и перевод Неры, — сказала я. — Должность Тима пусть рассматривают по профессиональным требованиям. Всё остальное — их решение.

Даль отправила распоряжение в одиннадцать восемнадцать.

В одиннадцать двадцать два вероятность разрыва упала до восьмидесяти двух сотых.

Мы молча смотрели, как цифра меняется на пластине.

— Значит, вы всё-таки переписали, — сказала Нера.

— Нет. Убрали два чужих пальца с весов.

В одиннадцать двадцать семь портовое управление подтвердило, что требование о раздельном хозяйстве снято. Тиму оставили приглашение до конца дня. В одиннадцать тридцать одна домовая служба отозвала уведомление о выселении до решения палаты.

Вероятность стала семьдесят пять сотых.

— Она падает, потому что мы это видим? — спросила Даль.

— Отчасти. Мы тоже вмешиваемся.

— Тогда как доказать, что верфь создавала исход, а не предотвращала его?

Я разложила перед собой первоначальный расчёт и все уточнения. Самое убедительное доказательство находилось не в текущей цифре. Оно было в прошлом, которое торговая система хранила ради оплаты.

— Сравнить порядок запросов с порядком действий, — сказала я. — Каждая мера сначала появилась как условие расчёта, а потом как служебный приказ. Не жизнь подтвердила прогноз. Заказчик исполнил его инструкцию.

Сая добавила:

— И запросить контрольный вариант, в котором им не меняют работу и жильё.

— Это будет новый прогноз, — возразила я.

— Не для пары. Для аудита. Без выдачи им и без права работодателя действовать по результату.

Такого режима торговый распределитель не предусматривал. Каждый расчёт должен был иметь получателя, а получатель — право применения. Мы нашли исследовательский контур, но он требовал подписи астронома этики.

Орен находился этажом выше.

Я могла позвать его для чисто рабочего действия. Наши границы это разрешали, если Сая получала те же сведения и Орен не давал мне личных рекомендаций. Всё равно мне пришлось перечитать написанные нами условия, прежде чем отправить вызов.

Он вошёл через пять минут, остановился у порога и сначала обратился к Нере:

— Вы согласны, чтобы я видел служебную хронологию без содержания ваших разговоров?

— Если не будете объяснять мне, кого любить.

— Не буду.

Орен прочитал договор, код заказчика и последовательность мер. Ни разу не посмотрел на золотую строку с текущей вероятностью.

— Исследовательский контур всё равно использует их прошлые отклики, — сказал он. — Для чистого сравнения нужно отозвать данные Неры и Тима после момента первичного расчёта. Оставить только состояние до вмешательства.

— Тим не давал согласия на аудит, — напредила я.

— Тогда его индивидуальный результат нельзя вычислять. Но можно сравнить агрегированное влияние четырёх мер на обезличенной группе.

— Это докажет механизм, не конкретный вред.

— Конкретный вред уже подтверждён приказами. Аудит покажет, что меры систематически повышают вероятность оплаченного исхода.

Он не предлагал мне решения. Он обозначал предел данных. Разница была почти неощутимой, но я заметила усилие, с которым он удерживался внутри неё.

Мы запустили сравнение на четырёхстах двенадцати случаях верфи за последние три года. Без изменения условий труда и жилья пары расходились в сорока одном случае из ста. После одной «проверки устойчивости» — в пятидесяти девяти. После двух — в семидесяти. После трёх и более — в восьмидесяти четырёх.

Почти вся заявленная точность торгового прогноза возникала после того, как заказчик начинал ему помогать.

На боковом поле появилась стоимость программы для верфи и расчёт экономии. Работников с прогнозируемым разрывом чаще переводили на дальние смены, селили отдельно и лишали семейных транспортных льгот. Разрыв следовал за мерами. Затем его заносили в архив как подтверждение качества модели.

— Сколько людей? — спросила Нера.

Сая прокрутила таблицу.

— Сто семьдесят восемь пар получили хотя бы одну меру.

— Они знают?

— В договорах написано, что это кадровое планирование.

Нера встала. Теперь она не держалась за стол.

— Дайте мне копию.

— Торговый договор запрещает передачу, — сказал Орен.

Я повернулась к нему.

Он выдержал мой взгляд и добавил:

— Но запрет относится к прогнозу. Хронология кадровых действий и агрегированный аудит принадлежат участникам по праву исправления данных. Я подпишу именно такую выдачу.

Это был не обход. Впервые за два дня правило сработало в пользу человека, которого должно было защищать.

Мы подготовили две копии: Нера — её служебную историю и результаты общего аудита, трудовой палате — полный перечень приказов с кодом скрытого заказчика. Личные прогнозы пары не вошли ни в одну.

Перед уходом Нера забрала золотую пластину.

— Я всё ещё не знаю, вернётся ли Тим, — сказала она.

— Теперь этого не знает и верфь, — ответила я.

Она кивнула, словно неизвестность была тяжёлой вещью, которую всё же можно унести самой.

Когда дверь закрылась, Сая подошла к окну. Над северным портом поднимался тонкий белый пар. Первые баржи меняли места у причалов, готовясь к шторму, о котором город официально ещё не уведомили.

Даль Мер получила ответ трудовой палаты: начата проверка, кадровые меры по прогнозам временно приостановлены. Но код старшего заказчика палата раскрывать отказалась. Запрос передали Совету Куполов.

На стене вспыхнула карта Тройного фронта.

Вероятность единого маршрута к Центральному куполу стала девяносто две и семь сотых.

— Кадровые приказы верфи входили в расчёт эвакуации, — сказала Даль. — Они переселяли работников ближе к северному карману и южному берегу. Потом сеть видела скопления и рекомендовала один общий путь.

— Один заказчик создаёт и разлуки, и толпу, — сказала Сая.

— Пока мы знаем только общий код, — напомнил Орен.

Я взяла красное перо и открыла служебное поле карты. Под единственным синим маршрутом написала:

Распределение населения изменено действиями заказчика после получения прогноза. Подтверждением считаться не может. Требуется расчёт без наведённых решений.

Книга сопротивлялась. Бумага стала жёсткой, перо царапнуло поверхность, будто тонкий лёд. На мгновение линия к Центральному куполу потемнела так, что скрыла улицы под собой.

Потом рядом возник второй путь — узкий, едва различимый, ведущий вдоль нижнего канала.

Девяносто две и семь превратилось в девяносто одну и девять.

Сая выдохнула. Даль позвала картографов. Орен не сказал, что был прав, когда остановил первую рассылку.

За это я была ему благодарна.

Не достаточно, чтобы простить. Достаточно, чтобы продолжить работу.

На золотой пластине, которую Нера унесла с собой, к полудню должно было появиться новое число. Я надеялась, она не станет смотреть. Надежда была ещё одной формой прогноза, только без печати и цены.

Я закрыла торговый договор и увидела под ним список связанных программ. Северные верфи были не единственными. Домовая служба, лечебные кассы, три школы и управление водных подъёмников покупали «устойчивость» у того же скрытого заказчика.

Внизу мигала строка, которой вчера не было:

Следующая проверка: распределение откликов по высоте проживания.

Сая прочитала её через моё плечо.

— Они считают нижние кварталы отдельно.

Я посмотрела сквозь стекло на город, уступами спускавшийся к воде. Чем ниже стояли дома, тем меньше на них падало света от Куполов.

И тем больше, как теперь становилось ясно, они отдавали небу.

Глава 5. Сестра смотрит вниз

Сая умела смотреть на город так, будто высота была не преимуществом, а ошибкой измерения.

Утром она привела меня на внешний балкон Восточного купола и велела не смотреть на небо.

Это было почти неприличное требование в Обсерватории. Над нами медленно поворачивались серебряные кольца ловцов отклика, на прозрачной створке проступали первые нити Тройного фронта, а дежурные каждые десять минут отмечали давление. Но Сая перегнулась через перила и указала вниз.

Астэр спускался к морю семью уступами. Верхние улицы были широкими и светлыми; между домами оставляли просветы для ветра, крыши покрывали белым стеклом. Ниже переулки сжимались, лестницы становились круче, а над каналами висел пар от прачечных и мастерских. У самой воды город превращался в тёмную вязь мостков.

— Сколько звёзд ты видишь? — спросила Сая.

— Сейчас день.

— В откликах.

Она раскрыла служебную карту. Над каждым домом вспыхнули точки — сигналы, из которых Купола собирали созвездия человеческих чувств. Верхний уступ мерцал редкими золотыми искрами. Нижние кварталы горели сплошным белым полем.

— Слишком много, — сказала я.

— В пять и восемь раз больше на человека.

— Из-за плотности приборов?

— Из-за того, что наверху прибор называют услугой, а внизу — условием доступа.

Сая передала мне список. В верхних кварталах люди добровольно носили браслеты настроения, чтобы получать персональные рекомендации: когда отдыхать, с кем обсудить конфликт, какой маршрут меньше тревожит. Отказ занимал одно движение.

Внизу отклик снимали у входа в лечебницу, у водяной колонки, на проходной верфи, в школе, на подъёмнике и при получении топливной нормы. Отказ означал отдельную очередь, бумажное подтверждение или потерю льготы. Формально каждый канал был добровольным. Вместе они окружали человека от пробуждения до ночной смены.

— Откуда у тебя эти цифры? — спросила я.

— Из распределения, которое заказали вчера. Я перехватила служебную копию до торгового шифрования.

— Перехватила?

— Я младшая переписчица. Мы существуем затем, чтобы старшие могли говорить «я не знала, что система так умеет».

— Сая.

Она закрыла карту.

— Я не открывала личные записи. Только объёмы каналов, условия отказа и получателей. Это входит в проверку нагрузки перед фронтом.

Я собиралась спросить, почему она не позвала меня сразу. Вопрос уже стоял на языке и неприятно напоминал всё, что я говорила Орену. Сая была взрослой специалисткой, а не продолжением моей осторожности.

— Какой следующий шаг ты предлагаешь? — спросила я вместо этого.

Она заметила замену вопроса. Благодарить не стала.

— Спуститься.

Мы покинули Купола через восточный подъёмник. На четвёртом уступе кабина остановилась: ниже действовал отдельный тариф, и мой служебный жетон не покрывал переход. Сая приложила свой.

— Почему у тебя есть нижний допуск?

— Потому что я там живу.

Я решила, что ослышалась.

— Ты снимаешь комнату у архивной площади.

— Снимала. Хозяйка подняла плату три месяца назад. Теперь я живу у Мины на Канатной улице.

— Почему не сказала?

— Потому что ты предложила бы деньги.

— Конечно предложила бы.

— Именно.

Двери открылись на пятом уступе. В кабину вошли двенадцать человек, хотя табличка разрешала восемь. Мальчик с перевязанной рукой приложил к считывателю семейный жетон; кольцо у двери мигнуло белым, снимая отклик. Его мать приложила свой — ещё одна вспышка. Никто не получил ни вопроса, ни предупреждения.

— Они согласились, когда купили проезд? — тихо спросила я.

— В приложении к льготному тарифу. Полная цена без наблюдения втрое выше.

На шестом уступе воздух стал влажным. Улицы шли не по карте, а по остаткам места между опорами. Сая двигалась уверенно, здоровалась с продавщицей горячего хлеба, пропустила тележку с медными трубами, придержала дверь лечебного пункта.

У каждой двери мерцал ловец отклика.

— Если нижние кварталы дают больше данных, прогноз для них должен быть точнее, — сказала я.

— Он точнее для тех, кто покупает.

Сая привела меня в общественную читальню над прачечной. Здесь хранились городские уведомления, трудовые правила и карты штормов. За стойкой сидела Мина — женщина лет тридцати с выбритым виском и руками, испачканными синей типографской краской.

— Старшая сестра, — сказала она вместо приветствия.

— Лина, — представилась я.

— Я знаю. У вас портрет у входа в Обсерваторию.

Я обернулась к Сае.

— Не настоящий портрет, — уточнила сестра. — Схема должностей.

— На ней вы все смотрите вверх, — сказала Мина. — Очень похоже.

Она провела нас к стене прогнозов. На верхней полке лежали вчерашние общегородские сводки: ветер, прилив, вероятность перебоев. На нижней — формы запросов на личные и квартальные расчёты.

— Покажи ей цену, — попросила Сая.

Мина протянула мне бланк. Квартальный прогноз стоил двадцать семь дневных заработков прачки. Запрос от учреждения обходился дешевле одного.

— Почему такая разница?

— Городская скидка за общественную пользу, — сказала Мина. — Только общество почему-то всегда приходит с печатью.

— Сколько запросов подали жители?

— За год? Три. Два вернули из-за неполных данных. Один оплатили всем домом, но результат признали торговым: их хозяин тоже сделал запрос и получил приоритет.

Она достала папку отказов. Люди спрашивали, переживёт ли опорная стена сезон дождей, безопасно ли ночным работницам идти по северному мосту, не приведёт ли закрытие

школы к росту подростковых банд. Их отклики были в системе. Ответы уходили домовладельцам, работодателям, страховщикам и управлению порядка.

— Значит, сеть видит их страх, — сказала я, — но не сообщает, чего им бояться.

— Сеть сообщает тому, кто может заплатить, как использовать этот страх, — ответила Мина.

Под прачечной загудели барабаны, и пол задрожал. На столе вспыхнул ловец отклика. Я увидела, как прибор отмечает раздражение, тревогу и скачок сердечного ритма у всех в комнате.

— Он сейчас передаёт наш разговор?

— Не слова. Только состояния, — сказала Сая.

— Слова им и не нужны, — заметила Мина. — Они знают, когда мы сердимся. Потом присылают стражу до собрания.

Я подошла к прибору. На корпусе стояла печать лечебной кассы: якобы устройство следило за влажностью и предупреждало приступы удушья. Канал эмоционального отклика не обозначался.

— Его можно отключить?

— Можно лишиться скидки на лекарства для всего дома, — сказала Мина.

Сая вынула из сумки непрозрачный колпак и накрыла ловец. Свет погас.

— Скидка привязана к наличию прибора, а не к передаче каждую минуту. Это мой технический перерыв.

— Часто устраиваешь?

— Когда людям нужно поговорить.

Я снова ощутила стыд — не за то, что не знала адрес сестры, а за уверенность, будто её работа начиналась только тогда, когда она входила под мой купол.

В читальню пришли ещё шестеро. Сая не представляла их как источник свидетельств. Она спросила, что они хотят узнать до шторма.

Старик с водяной станции хотел знать, будут ли работать подъёмники. Молодая учительница — какой из школьных подвалов не затопит. Две сестры-прачки спрашивали, перекроют ли мосты до окончания ночной смены. Мать мальчика с перевязанной рукой хотела понять, где выдадут лекарство, если лечебный пункт закроют.

Все эти ответы уже существовали в платных расчётах учреждений.

Доступа к ним у людей не было.

— Я могу запросить общую сводку, — сказала я.

— И когда она придёт? — спросила учительница.

— По обычному порядку — за сутки.

— К тому времени школу закроют по прогнозу, который мы не видели.

Сая разложила карту каналов.

— Нам не нужна новая сводка. Нам нужны результаты, построенные на их данных.

— Они могут содержать коммерческие сведения.

— Вода коммерческая? Мост коммерческий? Подвал школы?

Я знала официальный ответ: если расчёт оплачен организацией, вся выдача считалась её продуктом, даже когда исходные отклики принадлежали жителям.

— По правилам — да.

— Тогда правила крадут не данные, — сказала Сая. — Они крадут возможность пригот-

овиться.

Она достала тонкую чёрную пластину. На ней не было знака Куполов.

— Я делаю обратный реестр. Не что человек отдал, а кто получил результат. Без имён жителей. Учреждение, вид данных, решение после выдачи.

На пластине уже значились верфь, домовая служба, две лечебные кассы, управление подъёмников и три школы. Рядом Сая отмечала последствия: перевод, отказ, повышение тарифа, закрытие маршрута.

— Это ты начала расследование верфи? — спросила я.

— Нера пришла к тебе сама. Но я увидела серию одинаковых запросов две недели назад.

— И молчала?

— Я подала служебное возражение.

— Мне оно не приходило.

— Потому что возражения младших переписчиков сначала рассматривает начальник смены.

Маэл.

Сая показала ответ: Признаков системного вмешательства не обнаружено. Наблюдаемое исполнение подтверждает качество прогноза.

Дата стояла за девять дней до первой главы нашей Штормовой книги.

— Почему не обошла его?

— Потому что два года назад я обошла начальницу архива, и ты сказала, что мне нельзя строить работу на исключениях.

Я помнила тот разговор. Сая обнаружила пропавшие поправки в старых таблицах, отправила копию прямо городскому аудитору и получила выговор за нарушение цепочки допуска. Я объяснила ей, что правильная цель не оправдывает любой способ. Тогда мне казалось, что я защищаю её карьеру.

— Я была неправа, — сказала я.

— Нет. Ты была права насчёт способа. Ты не спросила, существует ли законный способ после отказа Маэла.

— Существует?

— Теперь да. Право исправления данных, которое вы использовали для Неры. Но до вчерашнего дня никто не считал последствия исправляемой частью записи.

Вот чем Сая отличалась от меня. Я искала ошибочную строку и возражала против неё. Она смотрела, куда строка ушла и что сделала там, где Книги уже не было.

— Покажи весь реестр, — сказала я.

— Здесь.

— Я могу открыть тебе аудитный контур Обсерватории.

— Тогда это станет твоим расследованием.

— Нашим.

Сая покачала головой.

— Совместный доступ — да. Авторство реестра — моё и жителей, которые принесли решения. Если Совет спросит, кто определял категории, отвечать буду я.

Мне хотелось сказать, что Совет раздавит младшую переписчицу быстрее, чем старшую. Это было правдой и одновременно привычным способом снова встать между Саей и её риском.

— Хорошо, — сказала я. — Что тебе нужно от меня?

— Подпись на запросе результатов. Не руководство.

Она уже приготовила документ. Требование основывалось на том, что источник данных вправе получить сведения о получателях и целях обработки. Сая расширяла понятие источника: не отдельный прибор, а квартал, чьи совокупные отклики сделали расчёт возможным.

Я подписала.

Ответ пришёл через семь минут. Система не отказала. Она потребовала перечислить всех жителей, чьи отклики вошли в прогноз, и получить индивидуальное согласие каждого.

— Невыполнимое условие, — сказала Мина. — За это время половина сменится, кто-то уедет, кто-то умрёт.

— А когда верфь покупает расчёт, согласие каждого не требуется, — сказала я.

— Потому что результат обезличен, — ответила Сая. — Значит, и мы запросим обезличенный результат.

Она изменила формулировку. Система снова потребовала список — теперь для подтверждения, что запрос представляет достаточную долю квартала.

Мина рассмеялась без веселья.

— Чтобы узнать, что они знают о нас без имён, мы должны назвать всех поимённо.

В окне читальни дрогнул свет. На улице одновременно зажглись белые кольца у лечебницы, подъёмника и водяной колонки. Ловцы отклика перешли в усиленный режим.

— Что случилось? — спросила мать мальчика.

Сая сняла показания с карты.

— Совет запросил срочный расчёт реакции нижних кварталов на закрытие южных мостов.

— Мосты уже закрывают?

— Пока только измеряют вашу реакцию на возможность закрытия.

Но люди у окон увидели свет приборов. Кто-то на улице крикнул, что будет эвакуация. Очередь у подъёмника качнулась. Через минуту кабины пошли вверх переполненными.

На карте Обсерватории единый маршрут к Центральному куполу поднялся до девяноста двух и одной сотой.

— Они снова создали подтверждение, — сказала я.

— На этот раз одним измерением, — ответила Сая.

Она сорвала колпак с прибора прачечной, перевела его в режим обратного сигнала и подключила к чёрной пластине.

— Что ты делаешь?

— Возвращаю результат источнику.

На стене читальни вспыхнула карта неба, перевёрнутая вершиной вниз. Вместо созвездий на ней обозначились учреждения, получавшие отклики квартала. Рядом возникли их текущие запросы. Люди увидели: Совет измеряет страх перед закрытием мостов; управление подъёмников рассчитывает повышение тарифа; лечебная касса оценивает, сколько пациентов откажутся от поездки наверх.

— Это закрытые сведения, — сказала я.

— Это цели обработки. Они обязаны быть открыты источнику.

— Система считает источником прибор.

— Тогда сегодня прибор научится читать.

Белые кольца на улице мигнули. Карта ушла по каналу от прачечной к лечебнице, от лечебницы к водяной колонке, затем к проходным верфи. Сая не раскрывала самих прогнозов. Она показывала, кто и зачем их строит прямо сейчас.

Люди у подъёмника перестали толкаться. Не все. Но кто-то вышел из очереди и вернулся за детьми, кто-то пошёл к западной лестнице, кто-то потребовал у служащего официальный приказ о закрытии мостов.

Единый маршрут опустился до девяноста одной и четырёх сотых.

На чёрной пластине появился ответ Совета:

НЕМЕДЛЕННО ПРЕКРАТИТЬ НЕСАНКЦИОНИРОВАННУЮ ВЫДАЧУ.

Сая прочитала его вслух.

— Они называют выдачей сообщение о том, что нас измеряют, — сказала Мина.

— Потому что знание меняет поведение, — ответила я.

— Значит, это право должно быть у всех, а не только у покупателя.

Сая отключила передачу до того, как Совет успел заблокировать канал. На стене осталась последняя карта получателей.

В верхнем углу золотом горел скрытый код старшего заказчика.

Он получал не только итоговые прогнозы. Ему в реальном времени передавали реакцию каждого нижнего квартала на сообщения Совета.

Под кодом появилась новая строка:

Рекомендуемая мера для повышения устойчивости: ограничить доступ к обратным уведомлениям.

— Они уже рассчитали, как заставить нас снова не знать, — сказала Сая.

Я скопировала строку в служебный журнал и поставила рядом своё имя. Не поверх Саино. Рядом.

— Пусть попробуют назвать это одиночной ошибкой младшей переписчицы.

— Попробуют, — сказала она.

Снаружи зазвонили колокола подъёмников. Не тревога — обычная смена тарифа. Но теперь люди слушали иначе. Каждый звук города мог быть предупреждением, приказом или опытом, который кто-то ставил над ними.

Мы поднялись на крышу читальни. Отсюда Обсерватория казалась не центром мира, а семью светлыми чашами на краю огромной тёмной ткани.

Сая показала мне новую карту откликов. После обратного уведомления нижние кварталы стали отдавать меньше страха и больше вопросительных сигналов — приборы не умели их толком классифицировать. Белое поле распалось на отдельные точки.

Впервые я увидела внизу не избыток данных, а множество людей.

— Тебя отстранят, — сказала я.

— Возможно.

— Ты останешься у Мины?

— Если она не выставит меня за занятую крышу.

— Я спрашиваю не для того, чтобы перевезти тебя наверх.

Сая улыбнулась краем рта.

— Учишься.

Над морем появилась первая настоящая облачная полоса. До Тройного фронта оставалось пять дней. Ветер ещё не дошёл до города, но флюгеры нижних домов уже поворачивались в разные стороны — старые, погнутые, не соединённые общей передачей.

В Куполах такие показания называли бы шумом.

Снизу они выглядели свободой.

Глава 6. Три версии одного дождя

К утру дождь существовал в трёх экземплярах.

Первый лежал в Штормовой книге: ровные серебряные линии с юго-запада, начало в четырнадцать двадцать, предел воды — по третью ступень набережной. Второй висел в закрытой сводке Совета: ливень приходил на сорок минут раньше, затапливал нижние мосты и требовал немедленного перевода людей к Центральному куполу. Третий был начерчен мелом на столе Саи в читальне: дождь распадался над старым соляным каналом, если город не включал все водяные подъёмники одновременно.

Небо над Астэром оставалось сухим.

— И какой из них настоящий? — спросил Маэл.

Он стоял у края переписного стола, будто боялся, что три карты заразны. Совет вернул меня в Обсерваторию под условием молчания о нижних кварталах. Саю внутрь не пустили вовсе. Поэтому её расчёт лежал передо мной без подписи Куполов, на дешёвой синей бумаге, пахнувшей мылом и угольной пылью.

— Пока ни один, — сказала я.

— Дождь либо будет, либо нет.

— Дождь будет. Но город уже выбирает, каким именно.

Маэл постучал ногтем по закрытой сводке.

— Совет приказал опубликовать это в полдень.

Орен, сидевший напротив меня, не поднял головы. После нашего письменного соглашения он передавал мне только сведения аудита и не давал личных советов. Это делало каждую его фразу тяжелее: теперь я знала, что он произносит её не ради моего спокойствия.

— Основание для раннего начала? — спросил он.

— Реакция нижних кварталов на возможное закрытие мостов.

— Реакция, вызванная самим измерением, — сказала я.

— Для дождя безразлично, отчего люди испугались.

— Для дождя — возможно. Для модели нет.

Я свела карты на световом стекле. Серебряные линии дрогнули, наложились друг на друга и разошлись тремя веерами. Метеорологические данные различались мало: одинаковая влажность над морем, одинаковое давление, одинаковая холодная дуга высоко над городом. Расхождение начиналось там, где в расчёт входили люди.

В варианте Совета управление подъёмников получало предупреждение в полдень. Оно переводило все машины на верхние резервуары, чтобы защитить Центральный купол. Нижние каналы оставались без обратной тяги. Вода поднималась, мосты закрывали, толпа шла наверх — и её страх добавлялся к резонансу Тройного фронта.

В нашей официальной записи предупреждение выходило в час дня. Подъёмники работали по обычному расписанию, но школы и лечебницы заранее готовили подвалы. Нижние мосты могли выдержать.

В Саиной версии предупреждения не было вообще. Вместо него жителям сообщали три допустимых режима подъёмников и просили кварталы выбрать время сброса воды. Расчёт становился менее точным, зато ливень терял единственный путь через город.

— Это не прогноз, — сказал Маэл. — Это голосование о погоде.

— Нет. Люди не голосуют, пойдёт ли дождь. Они решают, какие шлюзы открыть.

— На основании расчёта без допуска.

— На основании тех же показаний, которые Обсерватория получила от них.

Маэл посмотрел на Орена.

— Ваше заключение?

— Публикация второй версии изменит минимум пять входных переменных, — ответил тот. — Поэтому после публикации её нельзя будет считать независимым предсказанием.

— Любое предупреждение меняет поведение.

— Да.

— Значит, вы предлагаете не предупреждать?

— Я предлагаю не выдавать изменение, произведённое предупреждением, за доказательство его истинности.

Маэл медленно выдохнул. За его спиной переписчики делали вид, что заняты утренней сверкой. На самом деле зал слушал нас всем своим молчанием.

— Совету нужен один текст, — сказал он. — Люди не умеют действовать по трём.

— Откуда нам это известно? — спросила я.

— Потому что при тревоге нужна ясность.

— Ясность команды или ясность условий?

— Лина, через пять дней сюда придёт фронт, какого мы не видели. Если каждый квартал начнёт толковать карты по-своему, погибнут люди.

Он говорил искренне. Именно поэтому мне стало холодно. Книгу строили не чудовища. Её строили люди, которые однажды решили, что чужая свобода слишком опасна для чрезвычайного часа, а потом превратили весь город в чрезвычайный час.

Я развернула к нему Саину карту.

— Тогда проверим до тревоги.

— Что именно?

— Не дождь. Влияние публикации.

Орен наконец посмотрел на меня.

— Три сектора?

— Три одинаковых участка соляного канала. Одинаковые шлюзы, одинаковый уклон, одинаковая плотность жилья. Одному сообщим вариант Совета. Второму — официальный. Третьему дадим условия без единственного вывода.

— Вы хотите ставить опыт на кварталах? — Маэл произнёс это так, словно опыты до сих пор ставила не Обсерватория.

— С добровольным согласием домов и с правом отказаться. Никаких личных прогнозов. Только дождь и водоотвод. Если публикация ничего не закрепляет, результаты будут близки.

— А если закрепляет?

— Мы увидим это до Тройного фронта.

Маэл взял закрытую сводку, но я прижала угол ладонью.

— До полудня три часа. Если вы опубликуете её сейчас, сравнивать будет нечего.

— У меня приказ.

— А у меня правило раздельного доступа. Сводка содержит личные отклики жителей, чьё согласие на срочную выдачу не подтверждено.

— Она обезличена.

— Тогда Совет может подождать решения этика.

Мы оба повернулись к Орену.

Я ненавидела эту секунду. Получалось, что человек, скрывший от меня строку ради моей безопасности, теперь решал, позволить ли мне остановить опасный прогноз. Но причина была не в нём, а в устройстве допуска. Я отделила злость от задачи.

— Есть другой астроном этики? — спросила я.

— Даль Мер согласилась присутствовать как независимая наблюдательница, — сказал Орен. — Решение о временной задержке могу подписать я, если вы письменно укажете конфликт интересов.

Он уже приготовил форму. В графе причины стояло: личная вовлечённость в закрытый расчёт старшей переписчицы Лины Рей.

Ни оправдания, ни просьбы забыть.

Я подписала, что уведомлена. Орен поставил рядом своё имя и задержал публикацию на четыре часа.

Маэл ушёл созывать Совет.

— Четыре часа, — сказала я. — За это время мы не успеем получить согласие трёх секторов.

— Сая уже получила.

Я посмотрела на него.

— Откуда ты знаешь?

— Она прислала запрос в этическую службу в пять утра. Я не отвечал ей лично. Запрос проверила Даль.

Он положил передо мной три листа. На каждом было не по сотне имён, а решение домового собрания и отдельная строка: любой житель мог закрыть свой прибор, не теряя доступа к общей карте.

— Сая предположила, что я предложу опыт?

— Нет. Она предложила его сама.

Мне пришлось улыбнуться.

— Конечно.

К девяти часам три сектора соляного канала появились на большом стекле. Западный обозначили медным, средний — серебряным, восточный — синим. Чтобы не скрывать различия, мы вывели рядом возраст шлюзов, число домов, высоту улиц и долю работающих приборов. Идеально одинаковых кварталов не существовало. Идеальными бывали только отчёты, из которых заранее удалили неудобное.

Сая вошла по временному пропуску Даль Мер. За ней пришли Мина и трое выборных от домов. Маэл попытался возразить, но Даль показала печать службы спасения.

— Если опыт влияет на план эвакуации, представители участников имеют право видеть расчёт, — сказала она.

Сая не подошла ко мне за одобрением. Она сразу заняла место у обратного канала.

— Западному сектору отправляем текст Совета без знаков ведомства, — сказала она. — Иначе ониотреагируют на власть печати, а не на содержание.

— Печать — часть реальной публикации, — возразил Маэл.

— Тогда это отдельная переменная, — ответила Сая. — Вы проверяете прогноз или послушание?

В зале кто-то кашлянул, пряча смех.

Маэл промолчал.

В десять ровно три сообщения ушли к каналу.

Запад прочёл: Вероятен ранний опасный ливень. Рекомендуются немедленно подняться к Центральному куполу. Нижние мосты могут быть закрыты.

Средний сектор получил обычную сводку: Дождь ожидается после четырнадцати часов. Подготовьте подвалы и проверьте местные стоки. Следите за обновлениями.

Востоку передали: Дождь вероятен между тринадцатью двадцатью и пятнадцатью десятью. Безопасны три режима водоотвода. Выберите режим на домовом собрании; карта последствий приложена. Мосты остаются открыты, пока датчики воды не покажут третью отметку.

Первые изменения появились через шесть минут.

На западе люди начали уходить со смен. Подъёмник заполнился. Управляющий, увидев спрос, запросил верхний резерв мощности. Машины стали выкачивать воду из нижнего нако-

пителя — именно так, как предполагал вариант Совета. Уровень канала пока не рос, но запас обратной тяги уже уменьшился.

Средний сектор действовал медленнее. Дворники очищали решётки, школа перенесла занятия из подвала, две семьи закрыли приборы. Вероятность затопления почти не изменилась.

На востоке начался спор.

Система отметила его как всплеск тревоги и сначала подняла риск. На карте замигали десятки точек: один дом хотел ранний сброс, соседний — сохранить воду для прачечных, лечебница требовала резерв для насосов. Если бы мы смотрели только на суммарный отклик, восток казался самым опасным.

— Вот, — сказал Маэл. — Неопределённость вызывает панику.

— Подождите, — попросила Мина.

Через обратный канал слышались не слова, а разрешённые домами метки решений. Голоса складывались не в чувство, а в действия: проверить заслонку, освободить проход, оставить ключ у дежурного, перенести товар с пола. Через двадцать минут четыре дома выбрали первый режим, семь — второй, лечебница и прачечная согласовали третий. Они не пришли к одному ответу. Они распределили нагрузку.

На схеме вода получила пять путей вместо одного.

— Модель не умеет это считать, — сказал один из старших астрономов.

— Умеет, — ответила Сая. — Она считает это шумом.

Я открыла сырые показания. За белым пятном, которое сводка называла низкой согласованностью, были видны отдельные устойчивые решения. Они мешали друг другу только с высоты общего индекса. На уровне улиц они соединялись.

В одиннадцать двадцать над морем потемнело.

Дождь пришёл раньше моей записи и позже закрытой сводки. Первые капли упали в одиннадцать сорок семь — редкие, тяжёлые, тёплые. Они оставляли на стекле следы, похожие на расплавленное серебро.

— Ни одна версия не угадала, — тихо сказала Даль.

— Они были не о времени, — ответил Орен.

Он вывел динамику фронта. После сообщений три воздушных рукава, прежде почти совпадавшие, разошлись над городом на доли градуса. Этого хватило, чтобы западный сектор попал под плотную полосу, средний — под короткий косой дождь, а восточный — под два слабых ливня с перерывом.

Один дождь стал тремя не на бумаге.

Западные подъёмники уже работали наверх. Когда ливень ударил по крышам, нижний накопитель переполнился за девять минут. Вода дошла до первой ступени мостов. Люди увидели её и ускорили бегство. Управление закрыло мосты, потому что толпа мешала служебным телегам. Закрытие подтвердило предупреждение. Каждый следующий шаг делал предыдущий разумным.

В среднем секторе вода поднялась лишь у школы: старая решётка оказалась забита известью. Дворники открыли соседний сток, и через десять минут улица снова была проходимой.

На востоке один из выбранных режимов провалился. Заслонка у прачечной заела, и вода пошла к лечебнице. Но домовые дежурные видели общую карту. Никто не ждал нового приказа Куполов. Два дома отменили свой сброс, лечебница включила резервный насос, а Мина передала свободный накопитель прачечной. Система пересчитала их действия как непоследовательность. Вода — как выход.

Через сорок минут дождь ушёл к северу.

На западе затопило двадцать семь подвалов. Трое получили переломы в давке у подъёмника. В среднем секторе пострадал один склад. На востоке вода не вошла ни в один жилой дом, хотя исходный риск там был выше всего.

В зале стоял запах мокрой одежды: представители кварталов вернулись от окон, и с их плащей текло на белый пол.

Маэл долго смотрел на итоговую таблицу.

— Запад получил самый сильный ливень, — сказал он.

— После того как сообщение изменило работу подъёмников и движение людей, — ответила я.

— Но сообщение не направляло облака.

Орен увеличил карту атмосферного резонанса.

— Массовое движение подъёмников изменило тепловой столб над каналом. Одновременно отклики тревоги усилили световые контуры Куполов. Оба воздействия малы. В неустойчивом фронте их оказалось достаточно.

— Вы утверждаете, что страх притянул дождь?

— Нет, — сказала я. — Я утверждаю, что город — часть погоды, которую мы прогнозируем. Машины, маршруты, сигналы, решения. Мы сообщаем людям один вариант, они меняют город, а затем мы называем изменившийся город доказательством.

Сая вывела на стекло три числа.

До сообщения вероятность сильного затопления составляла: запад — 0,46, средний сектор — 0,44, восток — 0,51.

После сообщения: запад — 0,81, средний — 0,39, восток — 0,33.

— Уберите действия людей, — приказал Маэл старшему астроному. — Пересчитайте только атмосферу.

Тот подчинился. Числа сблизилась: 0,52, 0,48, 0,55.

— Видите? — сказал Маэл. — На западе всё равно было опаснее среднего.

— Но не опаснее востока, — заметила Сая.

Маэл не ответил.

Из коридора донёсся звон срочного канала. Совет требовал итог и разрешение выпустить задержанную сводку. До назначенного полудня оставалось семь минут.

— Мы не можем публиковать вариант, который только что увеличил ущерб, — сказала Сая.

— Мы не можем на основании одного опыта отменить систему предупреждений, — сказал Маэл.

— И не должны, — ответила я.

Все посмотрели на меня, даже Сая.

— Предупреждение среднему сектору помогло. Условия восточного — тоже. Опасен не сам прогноз. Опасна единственная команда, которую потом считают единственным возможным будущим.

Я подошла к Штормовой книге. Её страницы сами раскрылись на сегодняшнем дожде. Серебряная запись уже менялась: в первой колонке проступало время фактического начала, во второй — ущерб, в третьей система готовилась поставить знак подтверждения.

Под западным сектором появилось: ПРОГНОЗ ИСПОЛНИЛСЯ.

Я взяла красное перо.

— Если напишешь возражение, Совет обвинит тебя в порче архива, — сказал Маэл.

— Архив уже испорчен, если хранит следствие как предсказание.

Я зачеркнула знак подтверждения одной линией. Книга сопротивлялась: металл пера нагрелся, красные чернила свернулись каплей. Тогда Сая положила рядом свою синюю бумагу.

— Укажи, что сделали люди, — сказала она. — Иначе через год останется только спор о вероятностях.

Я написала:

После публикации западного варианта изменены режим подъёмников, доступность мостов и движение жителей. Исполнение не доказывает независимой точности. В среднем и восточном секторах альтернативные сведения снизили ущерб. Сохранять все три версии вместе с действиями, которые они вызвали.

Книга приняла первые две строки и вытолкнула третью на поле. Поле не считалось официальной записью.

Орен открыл этический журнал и продублировал текст туда. Даль внесла последствия в реестр службы спасения. Сая записала решения домов на своей пластине. Три документа удерживали то, чего один не хотел признавать.

Совет вышел на связь без изображения. Голос председательницы звучал спокойно:

— Временная задержка истекла. Опубликовать сводку номер семьдесят четыре.

Маэл стоял ближе всех к рычагу общей выдачи.

— Сводка содержит неподтверждённое указание на единый маршрут, — сказала я. — Требую приложить альтернативы и раскрыть влияние публикации.

— Требование отклонено. Город нуждается в однозначном руководстве.

— Сегодня однозначное руководство затопило двадцать семь подвалов.

— Сегодня локальный опыт нарушил единообразие управления. Ущерб будет расследован после фронта.

Сая сжала челюсть. Я знала это движение с детства: так она удерживала фразу, которая закрыла бы ей любую дверь.

— Предоставьте письменный приказ, — сказал Орен.

— Приказ уже дан.

— С указанием, что Совет уведомлён о наведённом изменении вероятности.

Наступила пауза.

— Ваш конфликт интересов делает участие нежелательным, астроном Сав.

— Поэтому заключение подписано также Даль Мер.

Даль поставила печать на стекло.

Совет отключился.

Через минуту Маэлу пришёл письменный приказ. Он прочёл его дважды. Потом положил ладонь на рычаг.

— Если я откажусь, публикацию включают из верхнего зала.

— Тогда пусть в журнале останется, кто её включил, — сказала я.

— А город до тех пор не получит предупреждения.

— Отправь безопасную часть: время, воду, состояние мостов. Без единственного маршрута.

Он посмотрел на строки приказа, потом на мокрые плащи представителей кварталов. Снял с общей сводки последний абзац и отправил первые два.

Верхний зал вернул сообщение с ошибкой полномочий.

Маэл попробовал снова. На этот раз канал закрылся перед ним. Совет лишил начальника смены права общей выдачи.

Но короткая сводка уже успела уйти на четыре городских табло.

Дождь продолжается к северу. Нижние мосты открыты по показаниям воды. Проверяйте местные стоки. Доступны три режима водоотвода.

Ни слова о Центральном куполе.

На карте единого маршрута вероятность упала с 0,914 до 0,887.

Падение было невелико. В обычный день его называли бы погрешностью. Сегодня оно означало тысячи людей, которые ещё не двинулись в одну точку.

Маэл снял служебный знак и положил на стол.

— Я не присоединяюсь к вашему расследованию, — сказал он. — И не признаю доказанным, что три версии безопаснее одной.

— Хорошо, — ответила я.

Он нахмурился, ожидая спора.

— Но ты только что сохранил возможность это доказать дальше.

Маэл ушёл, не забрав знак.

Сая закрыла обратный канал. Представители домов поставили подписи под итогом опыта, отдельно перечислив сбой восточной заслонки. Они не делали из своего успеха легенду. Это было важнее победной речи: свободный выбор тоже ошибался, но умел исправлять себя раньше, чем ошибка становилась судьбой.

Орен остался у дальнего края стола. Между нами лежала запечатанная строка моего личного прогноза.

— Ты знал, что прочитанное условие так сильно меняет исход, — сказала я.

— Да.

— Поэтому скрыл его.

— Это одна из причин.

Мне хотелось потребовать остальные. В нашем соглашении не было запрета спрашивать. Было только моё право решить, когда открыть печать.

Я коснулась сургуча и убрала руку.

— Сегодня не буду читать.

Орен кивнул.

— Это не доверие тебе, — добавила я.

— Я понимаю.

— Это мой выбор не знать.

— Да.

Он не улыбнулся и не сделал шага ко мне. От этого расстояние между нами впервые показалось не стеной, а мерой, которую мы оба согласились соблюдать.

За окнами дождь окончательно ушёл. Над тремя секторами поднимался пар: три разных рисунка воды на одинаковом камне.

Я вернулась к Книге. На поле рядом с красной поправкой проступила новая серебряная строка:

При наличии нескольких опубликованных исходов точность общего прогноза снизилась. Система считала это недостатком.

Я дописала:

А число доступных решений выросло.

На этот раз Книга не вытолкнула слова на край. Она оставила их в основной колонке — тонкими, почти невидимыми, но внутри записи.

До Тройного фронта оставалось четыре дня.

Глава 7. Право не знать

На следующее утро у дверей Обсерватории стояла очередь людей, которые не хотели узнать своё будущее.

Они держали в руках письма Куполов: уведомления о семейной совместимости, риске увольнения, вероятности одиночества, сроке возвращения близкого человека. Конверты были запечатаны, но на каждом золотом тиснением значилось: важный прогноз; промедление снижает точность решения.

— Если не открою, меня уволят? — спросил мужчина в форме водяной станции.

— В письме может быть не о работе, — сказала служащая у входа.

— Начальник получил копию. Значит, о работе.

Женщина позади него прижимала конверт к груди обеими руками.

— Мне сказали, что там совместимость с женихом. Мы через неделю подаём брачный договор. Если я не прочту, нотариус всё равно прочтёт?

Служащая не знала.

Я тоже не знала. В правилах подробно описывалось право запросить прогноз, исправить неверные данные и оспорить цену. Право отказаться от уже рассчитанного результата упоминалось только для исследовательских выборов. Система исходила из того, что знание — благо, а отказ от блага не требует защиты.

Сая принесла из читальни складной стол. Мина — стопку простой бумаги без золотых печатей. Мы поставили стол прямо под лестницей Куполов.

— Что вы делаете? — спросила служащая.

— Регистрируем нераспечатанные письма, — ответила Сая.

— У вас нет формы.

— Теперь есть.

На листе стояли три строки:

Я не запрашивал этот прогноз.

Я не согласен с его выдачей другим лицам.

Мой отказ читать не может считаться подтверждением прогноза.

Мужчина с водяной станции подписал первым.

К восьми часам таких заявлений было сорок три.

К девяти — сто восемь.

Совет открыл двери только после того, как очередь перегородила проход старшим астрономам. Людей впустили не в главный зал, а в холодную галерею между первым и вторым куполами. Там обычно выставляли старые приборы — доказательства того, как невежество уступало место точности. Теперь под стеклянными сферами стояли граждане и требовали защиты от точности, которую не выбирали.

Маэл пришёл без служебного знака. Его отстранили от общей выдачи, но оставили начальником смены до расследования.

— Мне приказано обеспечить порядок, — сказал он.

— А принимать заявления? — спросила Сая.

— Не приказано.

— Значит, не мешай.

Он посмотрел на неё с усталой неприязнью.

— Вы всегда разговариваете так, будто правила существуют только для других?

— Нет. Я разговариваю так, будто правила можно прочитать до конца.

Она показала ему пункт об отзыве согласия. Маэл пробежал строки и нахмурился.

— Здесь сказано «до завершения расчёта».

— А если человек не знал, что расчёт начался?

— Не определено.

— Тогда вы не можете считать молчание согласием.

Я ждала, что он позовёт охрану. Вместо этого Маэл взял один из чистых листов.

— Добавьте время получения письма. Иначе Совет скажет, что отказ подан после ознакомления.

Сая оставила место для времени.

— Спасибо.

— Это не поддержка, — сказал он.

— Я знаю. Это хорошая правка.

Орен появился со стороны служебной лестницы. У него под мышкой были серые папки аудита. Он не подошёл ко мне, пока рядом стояли люди с личными письмами. Наше соглашение не запрещало разговоры, но теперь любое его движение могли принять за намёк на мою запечатанную строку.

— Совет назначил слушание на десять, — сказал он всем сразу. — До решения новые личные выдачи не остановлены.

— Сколько их? — спросила я.

— За ночь сформировано тысяча семьсот двенадцать.

— После нашего опыта?

— Заказы разместили за три минуты до закрытия вчерашней смены. Один пакет, старший приоритет.

Тот же заказчик.

В письмах, стоявших перед нами, могла быть не забота и не любопытство. Кто-то торопился внедрить как можно больше личных сценариев до того, как мы докажем их действие.

— Получатели распределены по маршрутам? — спросила Сая.

Орен раскрыл папку. На карте золотые точки тянулись вдоль дорог к Центральному куполу. Работники подъёмников, смотрители мостов, врачи, домовые старосты, учителя — люди, от которых зависело движение остальных.

— Это не подборка совместимости, — сказала я. — Это управление узлами.

— Формально каждый прогноз личный, — ответил Орен. — Совокупный эффект в заказ не включён.

— Потому что тогда его пришлось бы согласовать со службой спасения, — сказала Даль Мер, входя в галерею. — А никто не согласовывал.

Она принесла временное предписание: не вскрывать письма в служебное время и не применять их к плану эвакуации до проверки.

— А копии у работодателей? — спросил мужчина с водяной станции.

Даль помолчала.

— Предписание действует на городские службы. Частным гильдиям я могу только рекомендовать.

— Тогда мой начальник узнает моё будущее раньше меня.

В галерее поднялся гул.

Я взяла его конверт. Не вскрывая, поднесла к свету. По краю шла тонкая машинная метка: канал получателя, канал плательщика и счётчик ознакомлений. У письма уже было одно прочтение.

— Копию открыли в четыре семнадцать, — сказала я.

Мужчина побледнел.

— Что там?

— Я не вижу содержание.

— Но начальник видит.

— Да.

— Как мне не знать то, по чему он теперь будет решать?

Вот слабое место нашего красивого права. Нельзя вернуть человеку неизвестность, если знание уже отдали тому, кто имеет над ним власть. Его можно было защитить только последствиями: запретить использовать прогноз, потребовать раскрытия действий, дать способ оспорить решение до вреда.

— Одного права не читать мало, — сказала я. — Нужна маркировка доступа и запрет действий без подтверждённого согласия.

— До Тройного фронта четыре дня, — напомнила Даль. — Новый порядок Совет не примет.

— Значит, временный.

Я попросила у Мины красную краску. Она протянула мне печатную подушку.

На первом конверте я поставила штамп:

НЕ ЗАПРОШЕН ПОЛУЧАТЕЛЕМ. НЕ ПРИМЕНЯТЬ К РЕШЕНИЯМ. КОПИИ ПОДЛЕЖАТ УЧЁТУ.

— У вас нет полномочий менять служебную выдачу, — сказала женщина у дверей.

— Я не меняю содержание. Я добавляю сведения о происхождении.

— Такой категории нет.

— Теперь есть сто восемь заявлений, которые её подтверждают.

Сая поставила рядом второй штамп: время отказа. Маэл — всё ещё без знака — начал записывать номера писем.

К десяти на каждом нераспечатанном конверте стояла красная полоса.

Совет вызвал нас в верхний зал впятером: меня, Саю, Орена, Даль и Маэла. Представителей получателей не пригласили. Сая отказалась входить без них.

— Это служебное слушание, — сказала секретарь.

— Тогда вы обсудите не их право, а наше нарушение.

— Именно.

— Нарушение существует только потому, что они отказались.

Секретарь повернулась ко мне:

— Старшая переписчица Рей, убедите сестру соблюдать порядок.

Когда-то я бы попросила Саю войти, а потом пообещала пересказать людям решение. Так было быстрее. Так работала наша семейная иерархия: я проходила в закрытую дверь и называла это защитой.

— Я поддерживаю её условие, — сказала я.

Нас оставили в коридоре на двадцать минут. Затем Совет разрешил войти двум представителям: мужчине с водяной станции, которого звали Арден Кай, и женщине с письмом о совместимости — Вее Лор.

Председательница сидела под картой Тройного фронта. За ночь центральная линия стала толще.

— Вчерашнее самовольное испытание нанесло ущерб и создало опасный прецедент, — начала она. — Сегодня вы препятствуете доставке законно оплаченных прогнозов.

— Кем оплаченных? — спросила Вея.

— Личность заказчика защищена договором.

— А моя будущая семейная жизнь договором не защищена?

— Содержание выдачи предназначено вам.

— Тогда почему его уже прочёл кто-то ещё?

Председательница взглянула на Орена.

— Счётчик мог сработать при технической проверке.

— По тысяче семистам двенадцати письмам? — спросил он.

Серые папки легли на стол. Орен не делал вывод вместо нас; он показывал журнал. Все копии были открыты одним каналом старшего заказчика до доставки адресатам.

— Заказчик оплатил расчёты и получил контрольные экземпляры, — сказала председательница.

— Значит, письма предназначены не нам, — сказал Арден. — Мы в них только объект. Советница слева вмешалась:

— Господин Кай, прогноз может сохранить вашу жизнь.

— Тогда скажите, от какой опасности. Без расчёта моей верности, любви и страха.

— Эти показатели неотделимы от поведения.

— Моё поведение на водяной станции регулирует инструкция. Мои чувства вам зачем? Ответа не было.

Я положила на стол проект временной маркировки. Три категории: запрошен самим человеком; согласие не подтверждено; человек отказался. Для второй и третьей запрещалось передавать содержание работодателю, страховщику, домовладельцу или государственному органу. Если копия уже передана, получатель обязан раскрыть факт доступа и не применять прогноз без независимо проверяемой причины.

— Вы парализуете управление городом, — сказала председательница.

— Нет. Погодные и технические предупреждения остаются, — ответила я. — Мы отделяем их от личных сценариев.

— Человек, склонный к панике, опаснее на посту во время шторма.

— Тогда проверяйте выполнение постовых обязанностей. Прогноз склонности, прочитанный начальником, изменит его отношение и создаст ту ошибку, которой вы боитесь.

— Вчерашний опыт недостаточен для такого вывода.

— Поэтому нам нужен аудит.

— После фронта.

— После фронта система запишет наведённые исходы как подтверждение.

Орен раскрыл вторую папку.

— Уже записывает. За ночь двадцать семь работодателей изменили смены адресатов после чтения копий. Девять домов расторгли договоры найма. Три пары отменили регистрацию брака после уведомления только одной стороны.

Вея медленно положила свой конверт на стол.

— Мой жених тоже получил копию?

Орен проверил номер.

— Нет. Копию открыл нотариальный дом.

— Утром они перенесли нашу запись «для дополнительной проверки».

Прогноз уже действовал, хотя Вея его не прочла.

Председательница коснулась карты фронта. Золотые линии дрогнули.

— Мы не можем отменить знание.

— Но можем отменить его власть, — сказала Сая.

Она положила рядом реестр нижних кварталов: решения, принятые после тайных расчётов. Не чувства, а последствия. Повышенный тариф. Закрытый маршрут. Потерянное жильё. Разведённые смены.

— Что вы требуете? — спросила председательница.

— Не признания нашей правоты, — сказала я. — Временной маркировки до окончания аудита. Публичного списка категорий получателей без личных содержаний. И права каждого узнать, кто видел его расчёт.

— А если публикация списка вызовет беспорядки?

— Тогда у людей будет причина для гнева, а не только измеренная вами реакция.

Совет удалился на закрытое обсуждение. На этот раз мы остались в зале. Арден смотрел на карту Тройного фронта, Вея — на нераспечатанный конверт.

— Хотите, чтобы его уничтожили? — спросила я.

— Если сжечь бумагу, нотариус забудет?

— Нет.

— Тогда пусть лежит закрытым. Я хочу видеть, сколько решений примут вокруг него, пока я не знаю содержания.

Это был не страх перед будущим. Это был опыт над властью настоящего.

Через сорок минут Совет принял временный порядок на семьдесят два часа. Не до конца аудита и не до окончания фронта — всего на трое суток. Но все личные прогнозы без прямого запроса получили красную маркировку. Новые копии запретили. Уже открытые обязали внести в журнал доступа. Решения на их основании приостанавливались, если затрагивали работу, жильё, лечение или семейный договор.

Один пункт Совет отверг: имя старшего заказчика оставалось закрытым.

— Семьдесят два часа, — сказала председательница. — Аудит проведут старшая переписчица Рей и астроном Сав. Доступ отдельный. Каждый вывод требует двух подписей.

Я почувствовала, как Сая напряглась.

— Почему не она? — спросила я.

— Младшая переписчица Рей не имеет допуска к личным расчётам.

— Её реестр создал основу аудита.

— Она может передавать материалы через вас.

Сая собиралась возразить, но я опередила её.

— Тогда я не приму назначение.

Председательница прищурилась.

— Вы требовали аудит.

— И не стану превращать чужую работу в свой допуск. Сая входит как автор метода последствий. Личные содержания ей не нужны. Она получит обезличенный журнал действий.

— Это вне штатной процедуры.

— Как и тысяча семьсот двенадцать прогнозов от одного скрытого заказчика перед штормом.

Даль Мер предложила компромисс: я и Орен отвечаем за личные данные, Сая — за связь доступа с последующими решениями, Даль — за влияние на безопасность города. Четыре независимые подписи вместо двух.

Совет согласился, потому что часы уже шли.

Когда мы вышли, очередь в галерее стала вдвое длиннее. Красные отметки появлялись на конвертах одна за другой. Люди не праздновали. Они проверяли номера копий, записывали время, требовали от учреждений объяснений.

Арден узнал, что его начальник уже перенёс его с южной станции на центральную. В прогнозе, которого он не читал, вероятно, было что-то о ненадёжности или страхе. Временный порядок вернул ему смену до проверки.

Вея отнесла нотариальному дому подтверждение приостановки. Жениться или нет, они с женихом собирались решить сами — но сначала хотели узнать, почему чужой заказ дал нотариусу право задержать их договор.

Я поставила красную отметку на собственную запечатанную строку.

ПОЛУЧАТЕЛЬ ОТКАЗАЛСЯ ОТ ОЗНАКОМЛЕНИЯ ДО ОТДЕЛЬНОГО РЕШЕНИЯ.

Орен увидел штамп и записал время в журнал. Ни облегчения, ни разочарования на его лице я не прочла.

— А если аудит потребует открыть условие? — спросил он.

— Тогда мы докажем необходимость без твоего знания о содержании.

— Хорошо.

— Ты можешь считать, что я совершаю ошибку.

— Могу.

— Но не скажешь?

— Скажу, если ошибка касается метода или чужой безопасности. Не стану превращать своё знание в управление твоей жизнью.

Я кивнула. Доверие не вернулось. Но у него впервые появилась форма, которую можно было проверить поступком.

Мы спустились в аудитный зал. Перед нами лежали тысяча семьсот двенадцать закрытых будущих и тысячи уже совершённых настоящих решений. На стене шёл обратный отсчёт временного порядка: семьдесят один час, пятьдесят восемь минут.

Сая разделила стекло на три колонки: кто получил, что сделал, кого это затронуло. Даль добавила четвёртую: риск для города. Орен открыл журнал доступов. Я приготовила красное перо.

За дверями Куполов люди учились не просто не знать.

Они учились требовать, чтобы чужое знание не проживало их жизнь вместо них.

Страница I. Неизбежная потеря

Официальная колонка

Расчёт № 74-ТФ. Категория: личный исход, связанный с общегородским событием.

В период Тройного фронта объект близости переписчицы Лины Рей будет утрачен при исполнении основного маршрута.

Вероятность после первичного чтения: 0,88.

Вероятность после массового уведомления: 0,94.

Рекомендуемая мера: ограничить отклонения от утверждённого пути; исключить решения, основанные на неполных альтернативных расчётах; обеспечить прибытие к Центральному куполу в назначенный интервал.

Отклонение от рекомендации повышает неопределённость и не гарантирует сохранения объекта.

Рукописная поправка

Слово «утрачен» не означает только смерть. В расчёте смешаны гибель, разлука, отказ, утрата доверия и изменение самой связи.

«Основной маршрут» не существовал до серии запросов и публикаций, сделавших его вероятным.

Ни один объект близости не обозначен с устойчивостью, достаточной для решения за другого человека.

Сохраняются по меньшей мере три исхода:

1. следовать единому пути и усилить рассчитанную потерю;
 2. отказаться от близости ради обещанной безопасности и тем самым исполнить один из смыслов потери;
 3. раскрыть условия, вернуть альтернативы и принять риск без гарантированного результата.
- Получательница отказалась читать закрытое условие до отдельного решения.
Непрочитанное не равно несуществующему.
Предсказанное не равно выбранному.

Глава 8. Аукцион совпадений

Через шесть часов аудита мы нашли цену человеческого решения.

Она стояла в крайней правой колонке журнала и называлась не ценой, а коэффициентом содействия. За один золотой пункт нотариальный дом получал прогноз брака. За три — право задать дополнительный вопрос. За семь — раннее уведомление о том, что один из будущих супругов может отказаться. За двенадцать заказчик видел расчёт раньше самих людей и успевал изменить условия договора.

— Это не выдача сведений, — сказала Сая. — Это очередь к рычагу.

Она сидела напротив меня за длинным стеклянным столом аудитного зала. В каждой из её колонок уже теснились последствия: снятая смена, отложенная регистрация, отказ в комнате, отменённый ученический договор. Орен работал у дальней стены, где журнал доступов проецировался на матовое стекло. Даль Мер сопоставляла адреса с узлами эвакуации.

До конца временного порядка оставалось шестьдесят пять часов. До Тройного фронта — меньше четырёх суток.

Я увеличила строку нотариального дома, открывшего письмо Вей Лор.

— Дополнительный вопрос: «сохранит ли союз устойчивость при переселении в Центральный пояс». Кто его задал?

— Плательщик скрыт старшим ключом, — ответил Орен. — Но время совпадает с изменением тарифа на жильё.

Сая нашла запись в своём реестре.

— Домовладелец поднял залог за два часа до того, как Вее перенесли регистрацию. Если пара соглашалась, их свободные деньги исчезали. Если отказывалась, расчёт получал подтверждённую «неустойчивость».

— В обоих случаях покупатель выигрывал, — сказала я.

— И модель тоже, — добавил Орен. — Любой исход выглядел доказательством точности.

Мы просмотрели ещё девять договоров. Формулировки менялись, устройство оставалось тем же. Работодатель спрашивал, сохранит ли кандидат лояльность после повышения, а затем предлагал ему повышение без права отказаться от ночных смен. Страховая касса выясняла, выдержит ли семья болезнь, и поднимала взнос до суммы, которая сама разрушала общий бюджет. Дом обучения покупал прогноз усердия и отдавал лучшие приборы тем, кого расчёт уже назвал способными.

Прогноз не описывал будущее. Он продавал фору тому, у кого уже была власть.

— Почему всё это называется коэффициентом содействия? — спросила Даль.

Орен вывел на стекло старую инструкцию.

— Потому что официально заказчик помогает прогнозу стать полезным. Он сообщает, какие решения готов принять.

— То есть сообщает, как именно вмешается, — сказала Сая.

— В ранней версии так и было написано.

Он раскрыл историю правок. Пять лет назад в форме существовало поле «планируемое воздействие заказчика». Через год его переименовали в «условия применения». Ещё через два — в «содействие». Теперь покупателю предлагали выбрать глубину участия ползунком от единицы до двенадцати, как будто речь шла о качестве печати.

Я вспомнила сотни аккуратных строк, которые переписала за эти годы. Верность высокая. Совместимость условная. Риск разрыва значительный. Ни в одной выдаче не было строки: заказчик заплатил за возможность первым изменить ваши обстоятельства.

— Нам нужен первичный договор, — сказала я. — Не копии выдач. Правило аукциона.

— Старший архив, — ответил Орен. — Доступ председателя Совета или главы финансового круга.

— Маэла?

Он покачал головой.

— Маэл глава смен и член Совета, но старший ключ не у него. Я проверил его подпись. Он утверждал формы, не торги.

Это не оправдывало Маэла. Он знал о самозакреплении и продолжал выдачу. Но след, который мы принимали за его, уходил выше.

В дверь постучали. Дежурная принесла извещение Совета: через час в Большом меридианном зале состоится проверка временного порядка. Приглашались держатели старших договоров. Получателям прогнозов отводились места на верхней галерее без права выступления.

— Они собирают заказчиков, — сказала Даль.

— Нет, — ответила Сая, дочитав мелкий текст. — Они собирают покупателей.

Внизу стояло название заседания: «Распределение приоритетного доступа в период Тройного фронта».

Я перечитала дважды. Доступ не собирались приостанавливать. Его собирались продать заново — дороже, потому что до шторма оставалось мало времени.

*

Большой меридианный зал напоминал перевёрнутый телескоп. Ряды спускались к круглой сцене, в центре которой вращалась карта Астэра. Над каждым районом мерцали числа вероятностей. Под Центральным куполом горела золотая линия основного маршрута.

Нас посадили сбоку, за стол аудиторов. На нижних рядах расположились нотариусы, управляющие жилых домов, представители верфей, клиник, страховых касс и учебных палат. Никто не называл себя покупателем человеческого будущего. На табличках значилось: партнёр наблюдения, гарант устойчивости, держатель инфраструктуры.

На галерее я увидела Вею и Ардена. Рядом стояли люди с красными конвертами. Они не могли говорить, зато принесли письма и подняли их над перилами. Красная полоса опоясала зал.

Председательница Совета открыла заседание.

— Временное ограничение личных выдач создаёт неопределённость в критический период. Мы обязаны определить, какие учреждения нуждаются в доступе для сохранения города.

На карте вспыхнули три категории: брачные союзы, трудовая надёжность, гражданская лояльность.

— Почему брачные союзы сохраняют город? — спросила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.